

НАТАЛИЯ ЛЕВИТИНА

ГРЕШНИЦА

Журналистка Юлия Бронникова

Наталия Левитина

Грешница

«Автор»

2010

Левитина Н.

Грешница / Н. Левитина — «Автор», 2010 — (Журналистка Юлия Бронникова)

ISBN 978-5-271-41334-6

Юля Бронникова запросто может пойти работать в преуспевающий банк своей матери, жить в роскошной квартире и одеваться как фотомодел. Но всему этому она предпочитает напряженную работу журналистки и бесконечные заботы о подруге-неудачнице и ее маленькой дочке. Юля ценит личную свободу и не хочет зависеть от своей гиперактивной мамы, поэтому такая жизнь ее устраивает. Но неожиданно в привычные будни вторгается неведомый враг – вернувшись однажды домой, Юля обнаруживает свою квартиру полностью разгромленной, а на стене видит неизвестный шифр с тремя шестерками на конце.

ISBN 978-5-271-41334-6

© Левитина Н., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Левитина

Грешница

Глава 1

Образец для подражания

– Это удивительно, – произнесла Марго. – На днях я назначила начальником юридического отдела одну перспективную барышню. И, беседа с ней, выяснила – вы учились вместе. Сидели, можно сказать, за одной партой!

– Неужели? – заинтересовалась я. – И кто же эта супервумен?

Да, кто? Ведь необходимо обладать умом Кондолизы Райс и удачливостью Билла Гейтса, чтобы заставить маму отзываться о себе в таком тоне. Марго обычно критично настроена в отношении чьих бы то ни было достоинств и успехов. Особенно это касается ее дочери. То есть меня. Дожив до солидного возраста, я так и не сумела порадовать ее достижениями. И разговор о супердевушке – начальнице отдела в банке «Гелиос» – мама конечно же завела неспроста. А мне в назидание.

О, верно!

– Вот у кого бы ты могла поучиться амбициозности и честолюбию! Она твоя ровесница, но сделала блестящую карьеру. Она великолепно себя проявила. Отличный специалист. Высшее юридическое, диплом МБА. И вот результат – я сделала ее начальником отдела. Если бы ты прислушивалась к моему мнению, ты тоже кое-чего достигла бы в жизни.

Но я, увы, перестала прислушиваться к маминому мнению сразу после школы – когда выбрала не тот вуз. А после университета и вовсе предпочла жить отдельно.

– Мне нравится молодое поколение, – продолжила мама. – Напор, цепкость, энергия. Эти люди ставят цели и добиваются их.

Недовольный взгляд, брошенный Марго в мою сторону (я в этот момент балансировала на стуле, пристраивая на шкаф голубую тунисскую вазу), ясно выражал две вещи:

1. Собственную дочь она не причисляет к молодому поколению.

2. А если и причисляет, то я только порчу своим присутствием славное сообщество целеустремленных, прекрасно образованных магистров бизнес-администрирования.

– Так кто же она? – повторила я вопрос.

За пару секунд до прозвучавшего ответа перед моими глазами возникло общее фото выпускников 83-й школы. И, отсеяв сначала парней, потом троечников, затем девочек с гуманитарным складом ума, а также всех недостаточно активных и пробивных, я оставила три кандидатуры. Именно эти три девицы были способны получить престижное образование, а затем внедриться в кремовую прослойку топ-менеджеров банка «Гелиос»:

– Женя Карелина – отличница, медалистка, победительница всех областных математических олимпиад;

– Настя Хайдученко – чудо природы, сочетающее в себе шикарную внешность и острый ум;

– Алина Ерошеева – прима-активистка, инициатор всех школьных проектов, быстро соображающая и еще быстрее действующая.

Итак, Женя – Настя – Алина. На кого мы поставим?

Я замерла на стуле в обнимку с вазой. Эта ваза спокойно стояла на комод, пока у меня не возник *синдром электровеника*. Синдром проявляется всякий раз, когда на меня, как цунами на японскую хижину, обрушивается нежданная радость – визит мамочки.

Дело в том, что в присутствии Маргариты Эдуардовны Бронниковой нельзя заниматься простыми и приятными вещами – медитировать или заторможенно щелкать пультом телевизора. Лежать на диване или – боже упаси! – лениво листать журнал. Все эти радости свободного человека заставляют МЭ раздражаться знакомой мне с детства гневной арией: «Ты ни-когда ни-че-го не добьешься!» Поэтому, как только мамуля приходит ко мне в гости (к счастью, она достаточно занятой человек и с трудом выкраивает время для визитов), я тут же начинаю лихорадочно метаться по квартире, переключать вещи, двигать мебель. Это нервное.

– Мила Сенчулина, – объявила мама. – Это Мила Сенчулина. Прекрасная девочка.

МИЛА СЕНЧУЛИНА?! Прекрасная девочка?!

Сейчас у меня задымятся мозги...

Господа прославленные режиссеры современного кино и ТВ! У вас есть отличный шанс запечатлеть маску истинного удивления – яркого, чистого, не замутненного нюансами других эмоций. И потом вы будете муштровывать актеров, предъявляя им мое изображение и добиваясь от лицедеев подобной же реакции.

Нет, конечно, по мнению Марго, мой IQ давно и прочно обосновался где-то под плинтусом. Однако я в целом считаю себя вполне сообразительной девчушкой; главное – не приставать ко мне в шесть утра с вопросами о сингулярной дивергенции фискальных рисков. Но предположить, что Мила Сенчулина выбилась в начальницы... Мила, эта... хммм... Мила?! Не понимаю! И вот теперь она работает в процветающем банке?! Нет, это невозможно!

Мила Сенчулина. Мила Сенчулина. Мила Сенчулина...

– Ты вообще собираешься когда-нибудь расстаться с этой вазой?

– А?

– Вазу на место поставь.

– Какую вазу?

– Юля! О боже! Она у тебя в руках!

И все же... Мила Сенчулина?! Мила?!

– Ах, ты про это, – заторможенно пробормотала я. – Вот. Мое новое ампула. Девушка с вазой. В духе голубого периода Пикассо. Мне идет? Голубая ваза – отличный аксессуар. Живенько, неизбито. Так и буду перемещаться в пространстве – в обнимку с вазой. Разве голубой не оттеняет цвет моих глаз?

– Скорее он оттеняет синяки у тебя под глазами. Опять всю ночь бродила по ночным клубам?

– Нет, мама, серьезно – Мила Сенчулина?

– Ну да, а что? Кстати, а почему я совершенно ее не запомнила?

– Во-первых, ты никогда не интересовалась моей школьной жизнью.

– Ты была самостоятельным ребенком.

– Во-вторых, Мила проучилась у нас всего два года.

– Рекомендую с ней встретиться. Встреча пойдет тебе на пользу. Увидишь, чего можно достичь в твоём возрасте. Если не валяться круглосуточно на диване.

– Разве я...

– И не тратить время на болтовню с подругами.

– У меня всего одна подруга.

– И не прожигать жизнь в ночных клубах.

– Ночные клубы – часть моей работы.

– И видеть перспективу, а не размениваться на ерунду. Это касается твоей так называемой работы.

– О'кей, дай мне телефон Милы.

– Позвони моему секретарю.

Нет, все же хорошо, что мы с мамой живем отдельно.

Обманчивое апрельское солнце нагрело термометр на моем окне до двадцати градусов, и я, доверчивая, как все россияне, нарядилась в плащ. Мы ведь, россияне, всегда верим в лучшее. Верим, что вот этот президент наконец-то... Как жестоко я обманулась! Ледяной весенний ветер превратил меня в сосульку – да, симпатичную, изящную сосульку.

Скользя по тротуару, фрагментарно покрытому льдом, снегом и весенними лужами, на полусогнутых обмороженных ногах я подъехала к редакции журнала «Удачные покупки». Имея в родственниках маму-банкиршу, заметите вы, уместнее подъезжать к работе на личном мерсе. И не кутаться в жалкий плащик, а томно сверкать глазами из недр норковой или шиншиловой шубы.

Однако в моем распоряжении не норковое манто и «мерседес», а старый плащ и две обледеневших ноги. Хорошо, что не одна и не три. И я вполне довольна.

Боже, какой холод! И это начало апреля? Что происходит с планетой? А где широко разрекламированное глобальное потепление?

Когда мне стукнуло семнадцать (и это было – я с трудом сдерживаю рыдания – уже в прошлом веке!), мы с Марго крупно поругались. С юношеским максимализмом я отстаивала право самостоятельно выбирать жизненный путь. Я не хотела экономического образования. А мама считала его счастливым лотерейным билетом. Тогда, вспомнив об американской системе воспитания, Марго заявила: «Хорошо, теперь ты взрослая. Примем этот факт за аксиому. Но если у тебя возникнут проблемы – не вздумай вешать их на меня!»

Ну что ж! В то время ей и вправду было не до детей. Она работала по двадцать пять часов в сутки, пытаясь не упустить ни единого шанса, даруемого экономической ситуацией в стране (страна выходила из кризиса). Наверное, ей было нелегко пинком отправить меня во взрослый мир. А ведь американцы так и делают. И если у ребенка возникают материальные затруднения (как же им не возникнуть!), они не помогают деньгами вовсе не из жадности, а потому, что иначе дитя не научится самостоятельно решать свои проблемы. Такая вот родительская политика. И – как следствие – широкая сеть домов престарелых. Ведь нужно куда-то сдавать порезвившихся на воле предков.

...Впрочем, лишив дочь материальной поддержки, мама оставила за собой моральное право ежедневно скармливать мне солидные порции нравоучений. Только искренняя дочерняя любовь подпитывает мое терпение, когда я в сотый раз выслушиваю заявления типа:

1. Кофе вреден.
2. Спать днем – кощунство.
3. Лучшая подруга – умный мужчина.
4. Лучший друг – работа.
5. Жизнь коротка.
6. Никотин – яд.
7. Лень – страшный грех.

Кто бы спорил!

...Да, если Марго и переживала из-за меня, то мой категорический отказ изучать финансы и кредит укрепил ее дух. Наши пути разошлись. В двадцать один я стала суверенным государством. Сняла квартиру, работала в трех местах, жила как хотела, иногда голодала. Мама тем временем оттачивала мастерство управленца, а потом, очаровав десяток инвесторов, открыла собственный банк.

Ей есть чем гордиться. «Гелиос» выстоял во время банковского кризиса и сейчас входит в десятку самых динамично развивающихся банков России. Маргарита Эдуардовна Бронникова не раз награждалась почетными титулами. Вот только дочь, по ее мнению, оказалась неудачницей. Зато сын Сергей полностью оправдал надежды матери. Попрактиковавшись в мамином

банке, он проявил себя отличным финансистом и уехал в Москву, как только рамки нашего города стали ему тесны.

Постепенно усилия Марго на ниве банкостроительства дали первые всходы. Она превратилась в крупную фигуру областной бизнес-элиты. А я по идее должна была пополнить ряды «золотой молодежи» города. Но ничего не произошло. Нет, мама вообще-то предложила мне вернуться под крыло. Она даже собиралась купить однокомнатную квартиру в том же доме, где располагались ее апартаменты. Но с условием, что я тут же бросаю журнал, бросаю курить, бросаю бойфренда (о, когда-то у меня был бойфренд!) и перехожу на работу в пресс-службу банка «Гелиос». И тут же, выпучив глаза, начинаю изучать менеджмент (так и быть, не финансы и не кредит, раз у меня на них аллергия).

Да-а-а... Восьмидесятиметровая квартира в центре города в охраняемом жилом комплексе! Холл, огромная кухня и даже гардеробная комната, где я удачно бы разместила две пары сапог и пять водолазок! Какой простор, какое великолепие!..

К несчастью, презент был завернут в обертку маминого недовольства моим образом жизни. Восемьдесят квадратных метров в обмен на нравственную свободу. Конечно, я не могла принять такой подарок. И осталась на съемной квартире – шестиметровая кухня, тараканы-эксгибиционисты...

И все-таки мне не удалось сохранить суверенитет. В лучшем случае я могу считаться анклавом. Живу отдельно, но драгоценная Марго ни на секунду не выпускает меня из поля зрения. Она еще не утратила надежды откорректировать мой характер и мировосприятие, и делает это путем деликатных замечаний. На дисплее телефона всегда висит надпись: «Пропущено 8 звонков». И все они от мамы. Не знаю, как она находит время еще и для управления банком. Теперь я понимаю: пока Сережа не уехал в Москву, он оттягивал на себя девяносто процентов материнской любви и энергии. И не потому ли он сделал ноги в сторону столицы, что устал быть зависимым?..

Через секретаря я узнала телефон Миланы Мстиславовны Сенчулиной.

– Безумно рада тебя слышать, Юля!

Я смутилась.

Неужели она ничего не помнит?

Или помнит, но не держит зла?

– Привет. Мила, как же так? Я только вчера узнала, что ты работаешь в мамином банке. Более того, я и не предполагала, что ты осталась здесь. Думала, после школы ты перебралась в другой город.

– Я училась в Питере, но вернулась. А в «Гелиосе» уже два года. Слушай, Юля, нам обязательно нужно поговорить. Столько лет прошло! Ты замужем? У тебя есть дети? Как ты вообще живешь? Давай встретимся! Ты согласна?

Конечно, я согласна!

Мы договорились устроить слет одноклассниц в кофейне «Бисквит» – недалеко от банка.

Мила, вероятно, жаждала узнать подробности моей личной жизни (и – косвенно – почерпнуть интимные сведения о начальнице). Но и я испытывала к ней интерес. Нет, требование МЭ перенять опыт успешной сверстницы не являлось побудительным мотивом. Мной двигало, во-первых, банальное любопытство: как ей удалось прорваться в круг избранных? Во-вторых, я была обязана попросить у Милы прощения. Да, я виновата перед ней. После исчезновения Милы из нашей школы прошло много лет, но я, существо сентиментальное и, к сожалению, отягощенное обостренным чувством справедливости, продолжаю сгорать от стыда при упоминании ее имени. Как мы поступили с Милой! Ее образ – вкупе с другими малоприятными фантомами – тайлся в моей памяти за дверью из черного гранита. А теперь вырвался на волю, как джинн из бутылки, и мои щеки покрылись лихорадочным румянцем.

Я спрятала телефон. И так, встречаюсь с Милой Сенчулиной, удачливым менеджером банка «Гелиос». Девушкой, заслужившей одобрение самой М.Э. Бронниковой. А когда в последний раз мама хвалила меня? Сейчас вспомним... Так, надо хорошенько напрячь мозги...

– Здравствуй, детка! – остановил меня в коридоре шеф.

Я почти пронеслась мимо, презрев субординацию и элементарную вежливость – так взволновал разговор с Милой.

– Ой, здравствуйте, Степан Данилыч! Извините, я вас не заметила!

Да, когда мужчина возвышается над вами подобно статуе Свободы, его невероятно трудно заметить.

– Юля, ты, случайно, не заболела? Ты красная.

Я приложила ладони к пылающим щекам. Ладони, наоборот, оказались совершенно ледяными.

– Я не заболела, Степан Данилыч. Просто замерзла, пока добиралась сюда. А потом попала в тепло и от перепада температур зарумянилась. Это естественная реакция сосудов, им свойственно расширяться, чем и объясняется приток крови к лицу, и...

– Юля, меня всегда удивляло твое умение компетентно, а главное – кратко объяснить суть любого явления.

– Степан Данилыч, сейчас я сконцентрируюсь и побледнею, – пообещала я.

– В принципе, тебе и так не плохо. Значит, ты вполне здорова? А то возьми больничный.

Святой человек! Какой больничный при моем графике работы? Я, бывает, без всяких больничных целыми неделями не появляюсь в редакции журнала. Хотя, конечно, материалы всегда сдаю в срок.

И тут я заметила, что не только я странно выгляжу, удивляя собеседников пунцовым цветом лица. Сам Степушка сегодня был неординарен. Его глазные яблоки странно вращались. Он что, претендует на роль вурдалака в мистическом триллере? Надо срочно сообщить боссу – это не его типаж. С внешностью Степана можно претендовать максимум на роль Гигантского Пупса в ледящей крови эпопее «Игрушки-убийцы». Ведь шеф такой гладкий, упитанный, с окладистой русой бородой.

Приглядевшись, я поняла, почему взгляд Степана Данилыча подозрительно блуждает. Ах да! Ведь сегодня я – редкий случай! – надела юбку, а не джинсы. И Степан усилием воли пытался заставить себя смотреть не туда, куда хочется, а туда, куда следует глядеть при разговоре с женщиной – в вырез кофточки. Вернее, я хотела сказать, в ее чудесные голубые глаза.

Я коварно выставила вперед ногу.

Степан смутился:

– Юля, ты в курсе, что у тебя отличное...

Колено?! Я быстро выставила вперед второе. Пусть Степан Данилович убедится, что и оно не хуже.

– ...чувство стиля?

– ?!

– Ты хорошо написала про аквапарк.

Предпочла бы услышать комплимент ногам.

Это надежнее.

А великолепный стиль, распыляемый на статьи об аквапарках и супермаркетах, – это как-то грустно.

Марго считает мою работу суматошной и непрестижной: я – журналист в рекламном издании «Удачные покупки». И каждый раз лечу в редакцию как на крыльях. Мне здесь рады. У нас элегантный офис, приятный коллектив и жизнерадостная атмосфера. Местные капита-

листы, воспетые в журнале, оборудовали штаб-квартиру по последнему слову моды и техники. Их деньги и товары в обмен на литературный дар журналистов-рекламистов.

Да, я работаю в рекламном издании, и у нас все честно. Вы открываете красочный глянцевого журнала и знаете – любая статья, восхваляющая фирму или личность, оплачена из кармана героя статьи. «Удачные покупки» распространяются бесплатно, журнал развозят по офисам крупных фирм, выкладывают на стойки в больших магазинах. Можно не брать и не читать.

Наверное, это самый честный вид рекламы – мы не держим потребителя за идиота. Не пытаемся навязать ему известную марку водки, демонстрируя ее в пятнадцати ракурсах восьмьсот раз в течение одной серии фильма. И самый честный вид журналистики – уж лучше нахваливать кефир и ряженку предпринимателя Пустобрывева, чем выдавать в эфир сюжеты об успешной реализации реформ и улучшении жизни народа. Слезы льются градом, когда видишь в новостях старушку, выигравшую от монетизации льгот. Это где ж такую откопали? Наверное, журналистам Первого канала пришлось сильно постараться, чтобы раздобыть для съемок сей редкий экземпляр. Да, эти ребята настоящие профессионалы: вроде бы ни о чем другом, кроме убийств, взрывов, авиакатастроф, они говорить не в состоянии. А получили задание разъяснить народу необходимость реформ – и пожалуйста, на экране масса положительных, жизнеутверждающих сюжетов.

– Юля, держи. – Шеф протянул мне серебряный прямоугольник визитки. – Наш новый заказчик. Аслан Кумраев. Мебельные салоны «Таунхаус». Знаешь?

– Знаю. Очень красивая мебель. И по демократичным ценам. Например, если я начну голодать прямо сейчас, то к пятидесяти годам вполне успею накопить на диванчик.

– Не обольщайся. Не успеешь.

– Почему же! – От обиды перехватило дыхание. – Вы хотите сказать, что до пятидесяти мне осталось совсем немного?

– Да нет, я просто помню о твоём кредите. На диван тебе никак не выкроить.

– Ах да.

– Но ты поработай с Кумраевым. Повосхищайся им. Возможно, он подарит тебе что-нибудь из салона. Тот же диванчик.

– Вот еще! Не нуждаюсь в буржуйских подачках!

– Да ладно, не выпендривайся. Все мы этим кормимся. Аслан, кстати, забил четыре страницы.

– Четыре страницы! – задыхнулась я. – Нонсенс! Даже такие неординарные мужчины, как Шрёдер, Лужков или Брэд Питт, не сумели бы исторгнуть из меня более чем полстраницы комплиментов. Куда уж какому-то Аслану Кумраеву!

– Каждый или в совокупности членов?

– Что? Я не об этом.

– Не о чем? – озадачился Степушка.

– Ну, не о членах, – чуть слышно прошептала я, вновь покрываясь румянцем.

– Вроде бы разговор шел об Аслане Кумраеве, – с подозрением посмотрел на меня шеф.

– Изначально – да. Но вы почему-то уклонились в сторону физиологических нюансов.

– Каких? – упавшим тоном спросил Степан Данилыч.

– Ну, этих самых... Как же... Мммм... – замялась я.

Перезревшая мадам с четырнадцатилетним сексуальным опытом вообще-то могла бы свободно оперировать различными понятиями. Раз уж мы заговорили об этом приятном предмете. Но у меня разнузданное воображение и острая нехватка сексуального общения. Поэтому я покрылась краской сразу же, едва босс упомянул мужское достоинство Аслана Кумраева... Странно, а почему Степан вообще вспомнил об этом аксессуаре господина Кумраева? Однозначно, там что-то экстраординарное. Заметное невооруженным глазом. Восточный ведь муж-

чина, судя по имени. Откуда-нибудь из Дагестана, Бангладеша, или как там это все называется...

Нет, мужчины меня удивляют! Любую, самую интеллектуальную беседу они способны вывести на укатанную колею: а) футбол; б) секс.

– Степан Данилыч! – взмолилась я. – Отстаньте же. Я уже забыла, о чем мы говорили!

– Я – о четырех страницах, – напомнил босс. – Ты – о членах.

Ну вот, опять!

– Я?! Я? Да вы первый начали!

– Ладно, ладно, не нервничай. Ну, значит, четыре страницы. Но это – с фотоматериалом. Тимофей нацелкает. И пожалуйста, не затягивай. Поставим прямо в номер. Кстати, Брэд Питт – это актер? Я прав? Точно, я вспомнил. Его же избрали губернатором Калифорнии.

– У вас потрясающая эрудиция, Степан Данилыч!

Боссу около сорока. Не настолько он старше, чтобы называть меня «деткой». Но у Степана рост и борода. Поэтому он на всех смотрит покровительственно. Но мягок, заботлив и немного болтлив. Любит поразглагольствовать. Особенно в компании подчиненных – ведь подчиненным не следует перебивать шефа. Ко мне вот прицепился с половыми органами, словно маньяк какой-то. Дались они ему!

...Значит, у меня новое задание. Мебельные салоны «Таунхаус». Сегодня же разыщу Аслана Кумраева, повешусь на восточного гиганта талисманом и буду ездить по салонам, пока не составлю четкого представления о предмете статьи.

Интересно, а про диванчик босс пошутил или сказал всерьез? Ну да, несомненно, обзавестись диваном из престижного салона мебели – удачное дополнение к гонорару. И это практикуется. После выхода имиджевых статей заказчики иногда благодарят автора. Правда, я всегда чувствую себя при этом неловко. Но наши клиенты невероятно настойчивы.

Одна бизнес-леди, собственница косметологического салона, презентовала мне купон на элитную процедуру «Орхидея». Уникальная омолаживающая процедура по цене автомобиля. Клиентками салона являются первые дамы области, и они, надо полагать, с готовностью выкладывают сумасшедшие деньги за манипуляции с их дряблыми физиономиями. И вот я, свежая, юная, случайно затесалась в этот паноптикум. Необыкновенно повезло! По словам окружающих, я выгляжу на двадцать один (в реале – двадцать девять. Увы!). Лазерно-ретиноловая мощь «Орхидеи» скостила бы еще лет пять, и я превратилась бы в десятиклассницу. Чудо! Сказка!

К несчастью, выяснилось, что у меня аллергия на препарат, используемый во время сеанса. *«Таких случаев – один на миллион!»* – вопила испуганная дама-косметолог. Я опухла, как жертва паротита. И две недели хрипела, словно агонизирующий кабанчик. Зато омолодилась совершенно бесплатно! Ни копейки не потратила!

А вот еще случай. Владелец восславленного мной супермаркета прислал корзину фруктов и сыра. Фрукты – экзотические, сыр – изысканный, с плесенью. Владелец супермаркета, очевидно, очень хотел произвести на меня впечатление. Да, произвел. Еще какое. Потому что и к экзотическим фруктам, и к плесневелому сыру нужно долго и трудно привыкать. Мы с подружкой Ириной – неискушенные крестьянки! – были не подготовлены к утонченному наслаждению. Что с нами потом приключилось! Вспоминаю с содроганием. Я подозреваю, именно так страдают носители холерного вибриона. Если бы владелец супермаркета видел наши мучения, он сразу же повесился бы. Потому что порядочный человек не имеет права жить с таким клеймом на совести...

Глава 2

Перевоплощение

Мы с Иришей стоим под вывеской кофейни «Бисквит». Дрожим от холода и плотно прижимаемся друг к другу, как сиамские близнецы, сросшиеся в плечевом суставе. Носы покраснели, в ледяных пальцах – сигареты. Несмотря на мороз, мы твердо намерены выкурить их до конца.

В «Бисквите» – зона для некурящих. Модная тема. Однако что делать нам, грешницам? Ириша курит эпизодически – вспоминая молодость и за компанию со мной. А я курю, потому что являюсь человеком творческой профессии. Как же иначе объяснить собственное безволие? Да, у меня солидная оправдательная база. Если не курить во время работы на компьютере, то придется что-то жевать или пить – в виде допинга. Обязательно необходимо себя занять, пока в голове жирной гусеницей шевелится очередной литературный пассаж. Но к печени, пирожным и колбасе я равнодушна. Можно пить вино. Жорж Сименон, например, пил. В начале карьеры он писал приключенческие романы – по роману в неделю. Или в два дня, не помню. И хлестал вино литрами. Но он мужчина. А я – нежная девица. В кого я превращусь на алкогольном допинге?

Остаются сигареты и кофе...

– Все, это последняя, – сказала Ириша. – Больше – никогда.

– Угу, – с энтузиазмом кивнула я. – Завязываем. Денег уходит уйма, зубы желтеют. Мы же не двухсотлетние крокодилы, чтобы щеголять желтым оскалом.

– У тебя отличные зубы.

– Ты серьезно?

– Да. Как в Голливуде, только натуральные.

– Это все мои бельгийские леденцы. Отбеливают и дезодорируют. Угощайся.

– Спасибо. Ты, Юля, вообще прекрасно выглядишь.

– Честно?

– Ну конечно!

Вот поэтому я уже несколько лет не расстаюсь с Иришей. Она чрезвычайно благожелательно настроена по отношению к подруге. И всегда готова сделать комплимент. Она смотрит на меня восхищенно. Именно такого взгляда я безрезультатно добиваюсь от мамы многие-многие годы. «Почему ты не приходишь в гости?» – время от времени интересуется Марго. А зачем? Чтобы подставить самолюбие под камнепад упреков и отравленные стрелы ее сарказма?

А Ириша никогда меня не критикует. Любит. Впрочем, мама, я подозреваю, тоже любит, только тщательно это скрывает. Но любовь Ириши гораздо удобнее – ничего в себе не нужно менять. Лучше лежать в комфортном шезлонге, чем на импликаторе Кузнецова. Хотя импликатор, утверждают медики, чрезвычайно полезен.

– Ну и где твоя Мила Сенчулина?

– Сейчас появится. Думаю, подойдет минута в минуту. Сотрудникам «Гелиоса» раз в год делают прививку от гриппа и круглогодично – прививку пунктуальности. Мила не опоздает.

Ирина ждет появления моей одноклассницы с не меньшим нетерпением, чем я. Вчера вечером она уже узнала некоторые подробности.

– Ты представляешь, Мила Сенчулина! – шокированно восклицала я и металась туда-сюда по комнате. – Сотрудник «Гелиоса»! Начальник юридического отдела! Но как?! Каким образом?!

– Почему бы нет?

– Почему?! Сейчас я тебе ее опишу. Некрасивая жирная девочка. Слоновьи ножки, студенистая попа, щеки-булочки.

– Сколько же она весит?

– В школьные годы была по крайней мере девяносто. Сейчас, думаю, перевалила за центнер. Возраст все-таки. Далее. Маленькие глазки надежно укрыты от мира бронированными стеклами очков. Воспаленные прыщи рассыпаны, как ежевика, по бескрайней толстой физиономии. Волосы «никакого» цвета – не русые, не каштановые, а какие-то пегие. Постоянный коржик в руке. Юбка, порванная по боковому шву. Колготки с затяжками. Драповое пальто в катышках.

– Ужасно!

– И не говори! При всем при том она была у нас новенькой! Заявиться в школу в таком затрапезном виде! Ты вспомни, когда в старших классах появляется новичок, его персоной активно интересуются. И на волне всеобщего внимания не трудно сделать карьеру – пробиться в школьные лидеры. Однако и превратиться в изгоя тоже реально.

– Да, да, да! – подхватила Ирина. – Вот я помню, к нам в девятом классе перевели Алешу Самойлова. Вау! Синие глаза, длинная челка. Фантастический мальчуган! На первом же уроке он получил тонну записок с предложением дружбы. Все девочки сошли с ума.

– Да. Достаточно обладать красивой внешностью, или непробиваемым самомнением, или ироничностью и артистизмом. На худой конец – важными родителями и крутой экипировкой. Но у бедной Милы не было абсолютно ни-че-го! За одну неделю мы превратили ее в парию. В 83-ю школу она пришла с хорошими оценками. Но мы затерроризировали толстушку до такой степени, что у доски она боялась открыть рот. Педагоги поддались общему настроению и тоже, в меру способностей, гнобили бедняжку. Страшно представить, как она страдала!

– Юля! И ты тоже участвовала в травле?

– Да.

– Юля, ты что?! Ты же добрая! И справедливая.

– А еще – страшно трусливая. Я сочувствовала Миле, но тщательно скрывала свою жалость. Иначе переступила бы магическую черту, отделяющую Милу от коллектива. Нет, я не пинала ее тяжелым шипованным ботинком – я пинала ее войлочной тапочкой. Но все-таки пинала.

– Юля! Ну как же?!

– Да, я догадывалась, что под отталкивающей оболочкой, под сальной прыщавой кожей и пластами жира может скрываться настоящее богатство – грустное, страдающее сердце. Доброе, отзывчивое, ранимое. И так далее. Но я была подростком и ни за что на свете не противопоставила бы себя коллективу.

– И чем все кончилось?

– Мила забрала документы и перевелась в другую школу. Возможно, поступила в экстернат. Не знаю. Просто однажды она не пришла на уроки. И вот теперь через столько лет я узнаю от мамочки шокирующую новость!

– И как же, по-твоему, она выглядит сейчас?

– Думаю, по крайней мере, опрятно. Она бы не устроилась на работу в «Гелиос», если бы не выглядела пусть не импозантно, но хотя бы прилично. Наверное, Мила стала синим чулком. Карьеристкой, помешанной на работе. Моя мама именно таких и любит. А что еще остается Миле при ее внешности?

Естественно, после моего рассказа Ирина вспыхнула здоровым любопытством и как бы невзначай оказалась в районе кофейни в час икс. Мы вошли внутрь и устроились за столиком.

– О, да тут дорого! – прошипела Ирина, поднимая глаза над меню.

Для нас сейчас будет дорого даже в муниципальной столовой для бомжей.

Я выплачиваю кредит. Да, у меня теперь собственная квартира. Далеко не восьмидесяти-метровая, без холла и гардеробной. Зато я не должна ради нее наступать себе на горло – отказываться от друзей, бросать курить, изучать менеджмент. Все, что от меня требуется, – выворачивать карманы. Так как и зарплата в «Удачных покупках», и гонорары за статьи в «Стильной леди», и случайные заработки – все проваливается в черную бездну.

Я ничего себе не покупаю. Этой весной глянцево-журнальные настоятельно рекомендовали обзавестись пальто. Must have сезона. Я долго выбирала между твидовым и стеганым, между вышивкой и драпировкой, сравнивала бренды и цены. А потом достала из шкафа старый плащ с подстежкой, встряхнула, отковыряла от рукава какую-то прилипшую фигию – и в путь!

Ирише тоже не сладко. Нет, у нее собственное жилье, и кредит выплачивать не надо. Но она в одиночку растит двухлетнюю дочь. Вытаскивая из почтового ящика ворох квитанций, она покрывается нервными пятнами. Потому что Ирина гораздо менее успешно выращивает Анечку, чем коммунальные службы – цены на свои услуги. У них это получается резво. Детсад и няньки съедают солидную часть Ирино-го бюджета. В аптеках, где Ира частый клиент, ее просто раздевают догола. Едят они с Аней как птички, зато одежда, обувь, игрушки, книги, проезд в транспорте и занятия в дошкольном образовательном центре выжимают последние соки из Ирино-го заработка.

– Как жить, как жить? – грустит подруга.

Неустроенность и неуверенность, как весенний холодок, постоянно леденят сердце. В глазах – печаль и растерянность одинокой женщины, лишенной мужской поддержки. Ириша не из тех, кто «на скаку» и «в горящую избу». Она нежная и хрупкая. Она необыкновенно красивый экзотический цветок, нуждающийся в заботливом уходе. По большому счету, для нее и работать противоестественно – настолько она роскошна. Все равно что ставить к токарному станку Мону Лизу. Но приходится. У Ирины дочка, и надо как-то выкручиваться.

На планете есть много нищих государств и одно богатое, где дети – фактор бедности. Стоит родиться парочке спиногрызов, и семья (обыкновенная, не «новорусская» и не чиновничья) тут же скатывается в пучину бедности. Попробуйте с трех раз угадать название богатого государства.

Да, политика, проводимая правительством, убеждает нас: ребенок, наравне с шикарным автомобилем или отдыхом на Сейшелах, – забава богатых. Кто станет ездить на джипе (пусть он даже достанется бесплатно!) при зарплате в пять тысяч рублей? Учитывая, что ездить придется в основном вокруг бензоколонки: джип страшно прожорлив. А бензин – дорогое удовольствие. Он стоит тем дороже, чем больше нефти добывается в стране. Поэтому на джип не соглашайтесь. Оставьте эту радость обеспеченным людям.

Так же и дети.

Пока европейцы сражаются за естественное воспроизводство, наше правительство впору отправлять в Китай. Пусть организуют для китайских министров мастер-класс на тему «101 радикальный способ сокращения численности страны». Китайцев – больше миллиарда, они там в Китае уже и смотреть друг на друга не могут: куда ни глянь – одинаковые желтые физиономии, с утра до вечера, с понедельника до воскресенья. Вот тут бы и нагрянули наши высоколобые умельцы и за пару лет отучили китайцев размножаться...

Но я беру на руки Анечку, вдыхаю ее молочно-карамельный запах, зарываюсь лицом в пушистые волосы и думаю: нет, надо рожать. Вопреки всему – бедности, нищете, глобальному потеплению, терроризму, экологическим катастрофам, массовому психозу, людской черствости, телевизионному кретинизму, ценам на бензин, энергетическому кризису, отсутствию возлюбленного, взрываю, стихийным бедствиям... Единственное оправдание жизни – в ее продолжении. Она должна продолжаться из века в век, несмотря ни на что, обязана прорываться тугими зелеными ростками, цвести, сиять и приносить в мир любовь, нежность, счастье...

Поэтому я никогда не укоряю Иришу в недалёковидности – зачем рожала без мужа? Кстати, она обзавелась эмбрионом, ещё будучи вполне обеспеченной дамой. У Ирины был друг-бизнесмен. Весть о беременности возлюбленной вполне могла подтолкнуть бойфренда к порогу ЗАГСа. Но этого не произошло. Вскоре мужчина уже развивал бизнес в другом регионе страны, прихватив с собой в нагрузку восемнадцатилетнюю наложницу – свежую, как персик. А Ирине оставил в качестве алиментов двухкомнатную квартиру и бескрайние возможности практиковаться в ненависти ко всему мужскому. Он даже не вернулся на пару дней, чтобы забрать Иру и дочь из роддома.

С тех пор подруга бегаёт. Носится по кругу, как породистая лошадка на Мельбурнских скачках. Утром к восьми – Ньюру в садик. Потом на троллейбусе в агентство недвижимости, где она безуспешно подвизается маклером. Из нее такой же маклер, как из Шварценеггера балерина. В течение рабочего дня Ира бесславно и униженно пытается впарить клиентам квартиры. Продавец она ужасный. К шести вечера – галопом в садик. Забирает дочь, а с ней – мешок мокрых колготок и ворох платьев, заляпанных кашей. Два раза в неделю занятия в детском центре. И почти каждый день – метания по магазинам и аптекам. Героические будни матери-одиночки.

Но это оптимальный вариант. Бывает и так: у ребенка температура тридцать девять, у Ириши – тридцать восемь, а на телефоне висит директор агентства и яростно требует немедленно привезти документы. Или: в доме всего полкило риса и ни грамма дензнаков, а до зарплаты – две недели.

В такие моменты на помощь Ирише приходит добрая подруга Юлия. Хотя нет, я рядом не только в тяжелые моменты, а всегда. Именно я забирала Ирину из роддома, и потом мы четыре месяца жили вместе. Как дружная лесбийская семья. Наверное, так и думали соседи. Все мерзкие мысли соседей пусть останутся на их совести.

А я за четыре месяца вплотную ознакомилась с двумя категориями понятий из книги «Изоощренные пытки. Пособие для начинающих».

Первое – детские сопли, понос, запор, лихорадка, истошный крик. Второе – лактостаз, нехватка молока, мастит, послеродовая депрессия, истерика. И после этих испытаний я полюбила Анечку так, как любит младенца человек, сменивший ему миллион памперсов и вложивший в него миллиард килоджоулей труда. Самозабвенно! А все мои прагматичные рассуждения о нецелесообразности детопроизводства бедняками – сущий бред. Если Бог дает детей, он дает и на детей. Наверное, основной смысл нашего знакомства и дружбы с Ириной в том и заключался, что я буду помогать ей выращивать ребенка.

– Подруга ворует твоё время и силы! – возмущается Марго. – Она повесила на тебя сопливого, больного младенца. А ты, глупая, и рада! Вместо того чтобы устраивать личную жизнь, ты нянчишь чужого ребенка!

Но моя мамуля всегда возмущена. Всегда активно недовольна. Такой характер. И я пропускаю замечания мимо ушей. Другая мысль гложет меня порой: как мы поделим ребенка, если вдруг поссоримся с Ириной? В жизни всякое случается. И что я тогда буду делать?..

– Возьмем кофе, – решила Ира и захлопнула меню. – Смотри, какая дама подъехала.

Я обернулась и сквозь стеклянную стену увидела перламутровый «пежо», припаркованный у кофейни. Из него вышла стройная красотка в длинном пальто, отороченном мехом. Сапоги на шпильке, лайковые перчатки, модная сумка. Стопроцентное попадание, воплощенный гламур. Водопад рыжих волос взметнулся над пушистым воротником. Девушка направилась в кофейню.

– Эх, – грустно вздохнула Ириша. – Как хорошо иметь машину!

– Да уж! Меня вчера в троллейбусе не изнасиловали только потому, что едва не задушили. Девушка в момент асфиксии – не лучший объект для насилия. Я была такая фиолетовенькая, малопривлекательная... Хотя некрофилы, наверное...

– А как она одета! Да, стильная девица... Классное пальтишко! И такие яркие глаза... Скорее всего, линзы. Губы очерчены изумительно – наверное, именно такой рот и называют *чувственным*. Правда, Юль?

Но я не ответила. Потому что в этот момент судорожно хватала ртом, не претендующим на звание *чувственного*, воздух. Мне срочно требовался аппарат искусственного дыхания, дефибриллятор, сигарета и двести граммов коньяка. Ай, ладно, несите заодно и донорскую печень!

Потому что в интересной рыжеволосой барышне я – с огромным трудом – узнала МИЛУ СЕНЧУЛИНУ!!!

Ириша, естественно, подвергла сомнению все мои слова, касающиеся Милы. Как поверить, что эта блистательная, утонченная женщина в пубертатный период представляла собой засаленный окорок 54-го размера? И кто догадается, глядя на двух девиц, упоенно обнимающих друг друга, что в их прошлом – вражда, а не годы сердечной дружбы?

Но Мила тискала меня уже целых пять минут и восторженно кудахтала. Я потихоньку выходила из шока.

– Мила, ты капельку изменилась, – наконец выдавила я.

– Да! – радостно согласилась одноклассница.

– Расскажите нам об этом, – тоном Опры Уинфри попросила Ириша. – Наверное, увлекательная история.

– Безусловно! Давайте присядем. Вы уже что-то заказали? Девочки, предупреждаю: я угощаю! Где официант? Юноша, подойдите! Девочки, тут обалденные круассаны с ветчиной, ликерные пирожные и грильяжный торт. Рекомендую.

– Мы не хотим есть! – замахали руками девочки, сдвинутые на идее экономии. – Мы уже выпили кофе!

Я смотрела на Милу во все глаза. Это была не она. Толстая, затурканная тинейджерка в ней лишь угадывалась, как угадываются розовые отблески зари на проснувшемся небе. Бархатистая сияющая кожа, пышные рыжие волосы... Стилисту, парикмахеру и косметологу, поработавшим с исходным материалом, я бы присудила Нобелевскую премию.

– Сначала, девочки, в клинике Святослава Федорова мне сделали операцию на глазах, – рассказывала Мила. – И я избавилась от очков. Потом посмотрела в зеркало невооруженным взглядом и поняла: надо браться за ум. Вернее, за жировые отложения. Иначе жизнь пройдет, а я так и не узнаю, какой меня замыслил Бог. Девочки, я похудела на сорок семь килограммов!

– Вау! – простонали девочки, напроць, кстати, лишённые жировых запасов. Однако отлично информированные (благодаря массмедиа) о муках женщин, пытающихся похудеть.

Мила рассказывала историю с восторгом и гордостью. Чувствовалось: она окрылена успехом, она пьет жизнь, как шампанское.

– Похудев, я обнаружила – стало гораздо легче общаться с людьми. Если раньше моя внешность отталкивала, то теперь многие искали моего расположения. Я пошла на курсы стилистов, научилась делать мейк-ап, подбирать гардероб. Ну и так далее.

– Вы отлично научились подбирать гардероб, – признала Ирина. Она окинула Милу придирчивым взглядом.

Элегантный деловой костюм плюс небрежно накинутая пашмина с каймой из мавританских арабесок. Все в бежево-голубых тонах. Высший пилотаж! Прямо сейчас на миланский подиум. И Мила проявила исключительную мудрость, надев сапоги на шпильке. Вместе с костюмом они смотрятся отменно, сейчас я это точно поняла. А сначала подумала, что ей бы подошли белые кроссовки Adidas. (Наверное, меня роняли в детстве. Надо поинтересоваться у Марго, имел ли факт место. Но поинтересоваться ненавязчиво и как бы между прочим, иначе

вызову бурю негодования – Марго решит, что я сомневаюсь в идеальном исполнении ею роли матери...)

Комплимент Ириши стоит дорого – у подруги, в отличие от некоторых земноводных, безупречный вкус. Уж она бы не стала трясти над головой Милы белыми кроссовками Adidas. Несмотря на ограниченные средства, Ириша всегда выглядит так, словно только что пила чай у английской королевы. Ее наряды удивляют изысканностью – особенно меня, ведь я до последней копейки осведомлена об Ириных финансах. Она встает в шесть и за час работы создает на голове слегка небрежную прическу, а на лице – незаметный макияж.

А что сказать о Юле Бронниковой? В компании истинных леди я выгляжу уместно – оттеняю их достоинства своей стилистической убожеством. Одета проще некуда. Стандартная экипировка девушки, не зацикленной на шмотках: джинсы и водолазка. Водолазка, к счастью, кашемировая. Так, по крайней мере, было написано на этикетке. Но, судя по цене, стопроцентный акрил.

Я расправила плечи, гордо выставив пупырышки, тщеславно именуемые грудью. Если сидеть, забившись под стол, все сразу поймут: на мне акриловая подделка, а не драгоценный кашемир. Еще чего не хватало!

Парень за соседним столиком поглядывал на меня. О боже! Наверное, догадался, что я в синтетике! Но почему я комплекую? Мой наряд тоже вполне приличен. Удобен. Подчеркивает субтильные контуры. Эх, если бы добавить в комплект жокейские сапоги Baldinini и шарф, я бы соответствовала тенденциям этой весны.

И это – переживания девушки, не зацикленной на шмотках?!

Как я противоречива!

Но пока у нас маленький ребенок и я выплачиваю кредит за квартиру, выкroить четыреста долларов на сапоги Baldinini – невыполнимая задача. Буду добивать старые. Зато у меня много джинсов! (Один известный виджей MTV признался, что у него сто двадцать пар ковбойских штанов. Я скоро его догоню. У меня уже целых три пары. Одна – на сушилке, другая – в шкафу, третья – на мне.)

Мила между тем говорила. Ее речь лилась рекой. Подозреваю, кроме курсов стилистов-визажистов, она закончила еще и курсы юных цистеронов.

– Одновременно я бросила технологический институт, где училась на инженера-металлурга, и поступила в Академию госслужбы на юридическое отделение, – продолжила Мила поэму под названием «Сделай себя сам». – Тогда все, кому не лень, кинулись учиться на юриста. Ну и я туда же. У меня отличная память, даже римское право я сдала легко и непринужденно, хотя другие пересдавали по четыре раза!

Отличная память? Да неужели!

По-моему, у Милы ретроградная амнезия. Иначе она не обнимала бы меня на глазах у завсегдатаев «Бисквита», а просто дала бы в челюсть. Или достала из-под полы кувалду и хряснула по башке. Или вынула из модной сумочки пулемет «Максим» и прошла врага насквозь. Отомстила бы в моем лице всем мучителям, доводившим ее в стенах 83-й школы.

– Закончив академию, я начала работать юристом. Сначала в маленькой фирме, потом в банке. Наконец – такая удача! – попала в «Гелиос». И вот Маргарита Эдуардовна назначила меня начальником юридического отдела! Девочки, вы не представляете, как я рада! Я обошла всех претендентов. У меня теперь свой кабинет. Подчиненные. Мне оплачивают телефон, Интернет, амортизацию машины, бензин. Девчонки, у меня та-ка-я зарплата!

О, я могу представить, какая у нее зарплата! Размером с Кенсингтонский дворец! В своем банке Марго установила щедрые оклады. Она, как пресс на винодельне, выжимает из подчиненных все питательные соки, однако ежемесячно поливает работников из шланга золотым дождем.

Мила ликовала, как пятилетняя малышка, получившая в подарок на день рождения и Барби, и Кена, и домик, и пластмассовый сервиз. Но эта малышка, я ни капли не сомневаюсь, была способна растерзать в арбитражном суде любого противника, посягнувшего на достоинство банка «Гелиос». Не зря же мама доверила ответственный пост не матерому мужику, а двадцатидевятилетней девице. Значит, девица кого угодно заткнет за пояс.

– Я боготворю Маргариту Эдуардовну! – откликнулась на мои мысли Мила. – Что за женщина! Она мой кумир. Она всего достигла благодаря своей энергии, уму, напору. Я готова работать круглосуточно, чтобы доказать – она не ошиблась, выбрав меня. Прихожу к половине восьмого, ухожу в девять вечера. Я хочу сделать блестящую карьеру. Я всегда буду двигаться вперед и вверх!

А вот это лозунг с транспарантов моей мамочки. Марго, дай ей волю, будет день и ночь размахивать у меня перед носом красным полотнищем с золотыми буквами: «Работать! Добиваться! Достигать!» Ясное дело, Мила с ее жизненными установками пришла по душе Маргарите Эдуардовне.

– Извините, я должна ответить на звонок.

Мила достала из сумки телефон. У нее была супермодная модель сотового. Понятное дело, теперь у Милы все самое лучшее. Времена прыщей, сальных волос и драпового пальто в катышках ушли безвозвратно.

– Я должна заехать в банк.

– Но ведь сегодня суббота, – напомнила Ирина. – Вы работаете и по выходным?

– Бывает. Съезжу, отдам несколько распоряжений. Юля, ты не хочешь поехать со мной? А потом мы вместе пообедаем в каком-нибудь ресторане. Я приглашаю. И конечно же оплачиваю счет.

Как и следует руководителю, Мила четко сформулировала задачи. Она намеревалась продолжить саммит, но исключала Ирину из числа приглашенных.

Ириша, существо деликатное, сразу смутилась и начала собираться.

– Ой, вспомнила, я ведь тоже сегодня работаю! – розовея, сказала она. – Нужно продемонстрировать клиенту квартиру.

– О, вы дизайнер? – улыбнулась Мила. – Отличная профессия. Сейчас это модно.

– Ну, вообще-то я...

– Было приятно познакомиться. Еще увидимся, правда?

– Да, – коротко кивнула Ириша. – Юль, я пошла?

– И я сегодня, кстати, запланировала пару чрезвычайно важных дел, – вспомнила я. *Полежать на диване с томиком Кундеры и заехать в супермаркет за стиральным порошком.* – Наверное, тоже пойду.

Нет, я не забыла о намерении попросить у Милы прощения. Однако что-то расхотелось. Вряд ли эта воспарившая в звенящие небеса красотка нуждалась в моих извинениях. И моем обществе.

– О нет, Юля, прошу тебя! – взмолилась Мила. – Мне так хочется с тобой поболтать! Мы ведь не обсудили практически ни одну тему! Ну пожалуйста! Юля! Так, возражения не принимаются. Сейчас мы заезжаем на пару минут в «Гелиос», а затем в ресторан обедать.

Ресторан, конечно, хорошая идея. Одна чашечка эспрессо, выпитая в «Бисквите», пробудила аппетит. Но Мила... Она прет как танк. Если все проекты она воплощает в жизнь с такой же яростной энергией, то ее мечтам о блестящей карьере суждено сбыться!

Обедать за ее счет я, естественно, не стану. Поделим сумму пополам.

Глава 3

Вторжение

Нет, Ирина не дизайнер интерьеров. Думаю, у нее это вряд ли получилось бы. Ремесло торговца недвижимостью ей тоже не по плечу – не ее стихия. Она зарабатывает деньги в агентстве натужно и со скрипом. В то время, пока я играючи получаю гораздо более солидную зарплату.

Раньше их контору возглавлял другой мужчина. Он хорошо осознал, что единственный талант, которым обладает моя подруга, – талант быть красивой женщиной. Красота – великолепное свойство, а если она обрамляет не стержневую натуру, а исключительно порядочную личность – то это и вовсе славно. Экс-директор ценил внешние данные Ирины, ее утонченность и кроткий нрав. Поэтому он не напрягал девушку, а позволял ей работать в офисе, сортируя документы.

Затем агентство «Квартал» прикупил обуреваемый идеей глобализации местный король недвижимости. Молодой, кстати, юноша, лет двадцати семи. Однако «лысый, жирный и омерзительный». И если парень заслужил подобный эпитет от моей деликатной подруги, не стоит сомневаться: этот мужчина – сущий монстр. Представление о внешности монстра я составила (кроме Ириной характеристики) также и по фотографии сотрудников «Квартала». Что и говорить, природа не обделила Льва Таирова лишь одним – предприимчивостью. Зато на остальном сэкономила. На фоне прелестных подчиненных Таиров выглядел удручающее: серое одутловатое лицо, сумрачные тени под глазами, блестящая плешь в венчике редких волос, массивный живот пингвина, нависающий над ремнем. И это в двадцать семь лет! При таком звучном имени! При его-то материальных возможностях!

А ну-ка, быстренько взгромоздился на тренажер!

К отвратительной внешности прилагался злобный характер. Капиталист-мизантроп Лев Таиров первым делом принялся завинчивать гайки. Он муштровал работников, как американский сержант. Личный состав просыпался на подоконнике и заканчивал рабочий день там же. Половина сотрудников была безжалостно уволена. Ирину «жирный гад» оставил. Несомненно, лишь для того, чтобы всласть поизмываться над беззащитной женщиной.

Бумажная офисная работа превратилась в недоступное блаженство. Ирину выгнали *в поле*. Теперь весь день она мотается по городу, сбивая тонкие каблучки, и показывает клиентам квартиры. Она не умеет продавать, она чувствует себя зависимой и униженной, когда предлагает объект покупателям. А те, в свою очередь, сразу начинают подозревать Иришу в попытке сбавить им некачественный товар. Или качественный, но по завышенной цене.

А Лев Денисович отдает Ирине самые трудные варианты. Неликвид. Сразу не уволил, а теперь, я думаю, выживает. Выдавливает из нее заявление об уходе. Набить бы ему морду за страдания подруги...

Интересно, правомерно ли назвать Иришу неудачницей? Является ли неудачником человек, богато одаренный природой, но не сумевший распорядиться капиталом в виде красоты и здоровья? Красота – дар, но неуловимый и неосязаемый, как аромат цветка, хрупкий, как крыло бабочки. Могла ли Ирина конвертировать свои внешние данные в твердую валюту? Помимо судьбы топ-модели (пролетаем – рост не тот!), остается участь женщины при богатом мужчине. Эта тропинка вдумчиво осваивалась Ириной, но, очевидно, она выбрала не того парня.

Да, на фоне Милиных успехов и Ириша, и я выглядели двумя закоренелыми неудачницами. А ведь Милочке пришлось побарахтаться в навозной жиже, прежде чем она взобралась на мраморный пьедестал успеха!

...Об этом я размышляла, сидя в кабинете начальника юридического отдела. Мила упорхнула, сняв пальто, бросив на стол сумку, поправив прическу и пашмину. «Я на минутку», – сказала она. Стильная, ухоженная, уверенная в себе.

Я огляделась. Стало немного грустно. Нет, не шикарный интерьер добил меня (я пару раз была в кабинете мамы и конечно же знала, какая роскошь царит в «Гелиосе»). Просто задел успех одноклассницы.

Достижения школьных товарищей ранят гораздо больше, чем удачливость друзей, приобретенных в зрелом возрасте. Ведь мы начинали бег на длинную дистанцию от одной стартовой черты. И что же? Прошло время, и выясняется: кто-то пробежал двести километров, а кто-то не продвинулся и на метр. Один хватает звезды с неба, другой сметает пыль с тротуара. Нет, я не о себе, конечно. Но как, как ей удалось превратиться из гадкой жабы в роскошную диву?!

Юля, остановись!

Не надо никому завидовать! Почему бы не порадоваться Милиным успехам? Да, я попытаюсь... Сейчас, сейчас...

Черт, не получается!

Ведь тысячи подростков сводят прыщи, тысячи женщин сидят на диете, тысячи менеджеров мечтают о повышении. И почему лишь одна Мила сумела справиться с проблемами, в то время как миллионы людей уныло бродят по замкнутому кругу? Она что – особенная?

Я гневно возмущалась удачливостью Милы, мои внутренности пропитывались терпким ядом, я чувствовала, что заливаю кабинет мутной слизью зависти, пока звонок телефона не вернул меня к действительности. Пиликал сотнями голосов мобильник в сумке Милы. Потом неудовлетворенный абонент принялся терзать телефон на ее рабочем столе. Через пару минут я не выдержала и взяла трубку.

Сыграю роль Милиной секретарши – еще больше укреплю ее реноме.

– Банк «Гелиос», здравствуйте.

– Мила, привет, это папа, – влился в мое ухо теплым шоколадом приятный мужской баритон.

– Здравствуйте! – Надо объяснить Милиному отцу, что я обязательно передам дочурке все его слова. – Я...

– Слушай, у меня сейчас совершенно нет времени. Я подбросил тебе денег на счет. Как мы договаривались. Пользуйся. Наслаждайся жизнью. Вечером позвоню домой.

– А... Э...

– Ну, пока, малыш.

Упсссс! Не успела вставить ни слова. Смешно получилось. Неужели наши с Милой голоса звучат по телефону одинаково?

– А вот и я! – ворвалась в кабинет Мила. – Все уладила. Поехали обедать?

– Тут твой папуля звонил. Сначала на сотку, потом на рабочий. Мобильник я, естественно, не трогала, но по рабочему ответила. Папуля сказал, что перевел деньги тебе на счет. Вечером позвонит домой.

Мила замерла истуканом.

– Так и сказал?

– Похоже, он нас перепутал. А я не успела вставить ни слова.

– Понятно.

– И родители до сих пор о тебе заботятся? Это славно, – не удержалась я от шпильки.

(Следует читать: в двадцать девять ты до сих пор сидишь на шее у родителей? Такая успешная и пробивная?)

Мила смущенно улыбнулась.

– Только не говори, что не берешь ни копейки у мамы, – пожала она плечами.

Впервые за весь день я нашла повод возгордиться. Пусть за годы, проведенные вдали от меня, Мила и сделала рывок в стратосферу, однако она до сих пор эксплуатирует родительский кошелек. А я нет.

– Серьезно, не берешь?

– У-у, – покачала я головой.

Признаться Миле, что мне никто и не дает? По крайней мере, безвозмездно. Нет, лучше промолчу.

– Ты независима. И свой путь к миллиону хочешь пройти самостоятельно. Похвально. Или просто Маргарита Эдуардовна не достаточно щедра?

– Да нет, почему же... – скисла я.

– А твой старший брат так же принципиален?

– Не знаю. И мне не нужен миллион.

– А мне нужен! И если есть возможность перескочить через пять ступенек, воспользовавшись чьей-то поддержкой, я не буду из гордости отвергать помощь.

– Ладно, ладно, Мила, успокойся! Так мы идем обедать?

– Да, идем. Предлагаю – в «Турин». Но сначала мне надо сделать пару конфиденциальных звонков. Ты, кстати, не хочешь заглянуть к Маргарите Эдуардовне? Она сейчас на месте.

– Зачем?

– Тогда подожди меня в машине.

Она уже мной командует!

Прирожденный руководитель.

– Я с удовольствием подожду тебя на улице в компании сигареты.

– Договорились!..

Пока Мила конфиденциально кому-то названивала, выдворив меня из кабинета, я выкурила две сигареты, мешая дым и мысленные образы. Лицо Сергея, моего славного и любимого старшего брата, плавало передо мной в сером мареве. Нет, он никогда не отказывался от маминых денег. Даже будучи успешным менеджером, он вряд ли сумел бы купить квартиру в Москве в хорошем районе. Квартиру ему купила Марго. И поэтому любое замечание по поводу маминей скупости представляется мне абсолютно неверным. Маргарита Эдуардовна очень щедра – и в отношении денег, и в отношении вырабатываемой ею любви. Но и первое и второе она расходует узконаправленно.

Юля?!? Теперь ты завидуешь старшему брату?!?

Нет, не завидую. Я тихо горжусь своей самостоятельностью и бьюсь с кредитом. Выплачивать его оказалось гораздо труднее, чем мне представлялось вначале. На бумаге все выглядело чудесно, но стоило поставить подпись под договором, как выяснилось – я всем кругом должна. Какие-то дополнительные взносы, страховки, проценты... Банк «Урал-инком» напоминает кровожадного ротвейлера, вцепившегося в горло. Мне не удастся стряхнуть его с себя до тех пор, пока я не выплачу кредит.

Наверное, я самая настоящая дура. Только сейчас я это осознала. Встретившись с Милой Сенчулиной. А раньше считала себя ловкой и смышленной девицей, легко решающей любые жизненные задачи.

Мила припарковала «пежо» рядом с рестораном «Турин», виртуозно вписав малыша в узкий зазор между двумя автомобилями. Она и тут на высоте.

– Давно у тебя права?

– Всего два года.

– Но ты отлично водишь.

– Это мое кредо. Если за что-то берешься, нужно стремиться к наилучшему результату. Я умею въезжать на скользкую горку и разворачиваться на площадке размером с носовой платок!

А я изумительно смотрюсь на сиденье пассажира – глазки, носик... Само очарованье!

Да, с этой девушкой есть о чем поговорить. Неудивительно, что мы просидели в ресторане до самого вечера. Я кожей впитывала Милину энергию, оптимизм. А в те моменты, когда меня коробила ее самоуверенность, я живо представляла толстую затурканную девятиклассницу Сенчулину и понимала: Мила имеет право быть самоуверенной и даже самовлюбленной. Она сделала невозможное – создала себя заново, она отточила ум, изменила внешность, укрепила характер. Она собственноручно огранила алмаз, спрятанный глубоко внутри нее, и теперь он ярко засверкал...

Мы расстались в восемь (!) вечера. Думаю, официанты «Турина» уже стали принимать нас за деталь интерьера. Не самые удачные клиенты: мы мало ели, почти не пили, но не замолкали ни на минуту. Под занавес даже устроили небольшую драку – Мила не желала делить счет пополам, она рвалась оплатить его полностью и кидала мне мои деньги.

По пути домой я, воодушевленная встречей с неординарной личностью, мысленно составляла в голове план реорганизации.

Да, да, да! Почему-то Марго не удалось подвигнуть меня на какие-либо телодвижения, связанные с карьерой. А Мила заставила задуматься о жизни. Она сказала, что в любом деле пытается достичь совершенства. А я?

– Представь себя через десять, пятнадцать лет! – частенько кричит мне Марго. Ее красивое, породистое лицо искажает презрительная гримаса. – Через пятнадцать лет ты – далеко не юная особа – все так же будешь бегать по городу и писать бездарные статейки о богачах. Где перспектива?

Нет, я считаю, мои статьи в «Удачных покупках» достаточно профессиональны. Но перспектива, на самом деле, прорисовывается смутно. Какой же выход?

– Раз уж ты не послушалась меня и вместо экономического образования получила журналистское, то попытайся возделывать хотя бы эту грядку! – продолжает мама. – Стань знаменитой писательницей или собственницей крупного издания – журнала, газеты...

М-да... Отлично...

Все это так просто.

И на меньшее, полагает мама, соглашаться не стоит.

Но что делать человеку, если он не грезит о блестящей карьере? Признаюсь честно: все мои мысли – о любви. В двадцать девять лет гораздо более страшной проблемой мне представляется одиночество, нежели шаткий социальный статус. Я хочу, чтобы рядом был Он. И я почти его нашла. Увидела, узнала, выделила из толпы... Но для меня все закончилось трагически, как для Офелии. Мы оба оказались недостойны счастья быть вместе...

Но мама твердит одно – карьера!

В конце января Марго даже отправила меня в Екатеринбург на тренинг «Штурм». В надежде пробудить мое честолюбие. Организаторы тренинга клялись: для них это плевое дело. Мол, пробуждаем амбициозность с полпинка. Только заплатите пятьсот евро.

Марго взяла дочурку за горло и заставила поехать в Екатеринбург. Тренинг стал подарком к моему дню рождения. Отказаться было невозможно. Подумать только, Марго истратила на дочь целых пятьсот евро! Немыслимо! Планета вплотную приблизилась к угрозе глобального катаклизма.

Но я совершенно не хотела ехать. Извивалась, уползала в сторону, приводила контраргументы. Но мама победила. В назначенный день я села в автобус и отправилась на тренинг. И что в результате? Не дай бог Марго узнает, чем я занималась в Екатеринбурге. Тогда меня ждет нравственное аутодафе с элементами вивисекции. Если профессор, ведущий тренинг, действительно обогащал знаниями на целых пятьсот евро, то мисс Юлия Бронникова получила информации от силы на десятку. Потому что через два часа после начала лекции я...

Нет, об этом сейчас нельзя думать. Мысли о событии, произошедшем в Екатеринбурге, окончательно выбьют меня из колеи...

устроивший вакханалию в моем доме? Зачем? Почему? И как он проник внутрь, ведь дверь не сломана! Я открыла ее ключом!

В горле клокотало: то ли рыдания, то ли нервный смех. Первым делом я набрала номер Ирины.

– Сейчас буду! – вскричала верная подруга. – Жди!

– Постой! Ты что?! А с кем ты оставишь Аню?

– Она не спит. Мы сейчас придем.

Затем позвонила в милицию. Первый раз в жизни. Раньше, к счастью, не приходилось связываться с органами, охраняющими наш покой. Да, мы их критикуем, мы ими недовольны, но сейчас именно милиция способна помочь мне. Наверняка они приедут и по горячим следам задержат преступника! И я взыщу с него компенсацию.

Ирише удалось добраться до меня быстрее, чем потенциальным спасителям.

– О, Юля, – простонала на пороге Ириша. На руках она держала сонную Анюту.

– Юля! Как я по тебе соскучилась! Какая ты класивая! У тебя большие глаза! – поприветствовало дитя.

Вот таким нехитрым способом младенцы устанавливают власть над нами. А глаза у меня сейчас действительно большие. Потому что выпученные и немного квадратные. В моей ситуации вряд ли кому-то удалось сохранить индифферентное выражение лица.

– У тебя уболка? А мы уже сделали. А ты не успела? – тархтел ребенок.

– Юль, ты милицию вызвала?

– Вот, звоню. Нет, не проходи! Ты уничтожишь следы!

Я упорно набирала 02. Каждый раз механический женский голос просил меня подождать, в трубке что-то мелодично булькало минуты три, потом шли гудки. Чудненько. Если бы у моего горла держал нож бандит, он успел бы нашинковать меня, как повар китайского ресторана. А если бы я спасалась от насильника, то к приезду милиции как раз бы и родила.

Но к чему возмущаться? Ведь в той же Америке, где гораздо ббольшая часть налогов тратится по прямому назначению, а не растекается по карманам высокопоставленных чиновников, так вот, даже в Америке жертву, бьющуюся в истерике, оператор службы спасения 911 иногда просит подождать этак с полчаса, пока освободится линия. Честно, честно! Видела в кино, и не раз! Что же говорить о нашей стране, где сначала удовлетворяются скромные нужды властей предержавших, а уж остатки с барского стола, так и быть, кидаются в пасть этой алчной, вечно неудовлетворенной, многоглавой гидре, именуемой народом.

Через двадцать минут упорство все же было вознаграждено. Я добилась ответа. Еще минут пять сама отвечала на разнообразные вопросы. К счастью, от меня не потребовали подробного резюме об интимной жизни за последний год. Иначе они были бы шокированы!

Потом мне велели ни в коем случае ничего не трогать в квартире, не проходить внутрь и ждать наряд милиции.

– Но я уже внутри! – в ужасе прошептала я. Кошмар! Наверняка уничтожила все следы, отпечатки пальцев и микрочастицы.

– Это вы зря. Ладно. Посидите там где-нибудь у входа...

Мы поставили две кухонные табуретки у входной двери и послушно принялись ждать. Оглядываясь, Ирина машинально достала соску-пустышку и заткнула ею Анечку.

– Моя сосочка! – обрадовалась великовозрастная (2,5 года) девица.

– Ты что! – прошипела я. – Полгода бьюсь, чтобы отучить ребенка от соски! Предательница!

Даже в такой нервный момент я не прекращала заботиться о нашей малышке. А эта безголовая мамаша только все портит!

Ирина сделала страшные глаза и попыталась забрать пустышку обратно. Анюта тоже сделала страшные глаза, показывая, что она за себя не ручается.

– Теперь уж не трогай, раз дала, – взмолилась я. – Сейчас нам только детской истерики не хватает для комплекта.

Какая же я скотина! Подруга за пятнадцать минут умудрилась собрать ребенка, одеться сама и примчаться ко мне для поддержки. А я рычу на нее.

– Ириша, прости. Я психую. И страшно боюсь.

– Да я понимаю, понимаю!

Некоторое время мы ошарашенно молчали и оглядывались. В тишине лишь раздавалось сопение Нюты – она уснула. Минут через сорок мы начали строить предположения и высказывать догадки. Через полтора часа ожидания Ириша прокралась на кухню (на цыпочках – чтобы не уничтожить остатки бандитских следов) и принесла из холодильника колбасу, сыр, сок. Я была слишком подавлена, чтобы как-то оптимизировать процесс ожидания.

Прошло два с половиной часа. Я вновь позвонила в милицию.

– Юлия Андреевна, мы приняли вашу заявку, – укоризненно ответил мне усталый команданте. – Ждите, наряд приедет. У вас всего лишь квартирная кража. За эти сутки – восемнадцатая по счету. А еще ведь есть убийства, изнасилования...

Мне стало стыдно. *Убийства!* Получается, я перетягиваю на себя одеяло с трупов. Эгоистка.

В двенадцать ночи (Анечка спала на двух диванных подушках) милицейский наряд все еще мужественно преодолевал арктические льды, добираясь до моего дома. Я впала в состояние оцепенения. Ириша прокралась в комнату за одеялом. Вернулась без одеяла, зато с перекошенным лицом. Что?! Неужели грабители забыли на кровати кейс с миллионом долларов?!

– Там, на стене...

– ?!!

– Разве ты не видела?

Я метнулась в комнату, давя ногами барахло, усеивающее пол. Да, своим поведением я, конечно, создам трудности эксперту-криминалисту. Но все равно, хочу увидеть... Ой!

На стене спальни красовалась размашистая надпись, сделанная из баллончика с нитроэмалью. Цвет надписи гармонировал с рисунком обоев – это что, утонченная издевка?

Е Ш 230 105 666

– И как ты это объяснишь? – прошептала над моим плечом Ириша.

– Никак, – прошептала я в ответ. – Я вообще ничего не понимаю.

– 666 – число дьявола.

– Спасибо, что напомнила.

– Нет, ну, я просто... Возможно, это как-то подскажет, где искать объяснение?

– Не знаю. Не знаю, ничего не понимаю!

– А это что за *дерево*? После буквы «Е»?

– Дерево? Скорее, *подсвечник*.

– Ладно, подсвечник. Что он означает?

Мы долго и напряженно изучали надпись.

– Теперь у тебя есть твой личный код *да Винчи*, – сообщила Ириша. – Вернее, код Юлии Бронниковой.

– Я должна радоваться?

– О, это сейчас так модно! Всякие коды, шифры, загадки. Но Юля! Если это написали на стене твоей квартиры – значит, послание предназначается именно тебе. Раз оно предназначается тебе – ты обязательно сумеешь его расшифровать. Иначе зачем было портить стену?

Действительно, зачем?

Наверное, козел, устроивший погром, переоценил мои интеллектуальные способности. Потому что я совершенно не представляла, как расшифровывается данная абракадабра.

В половине первого я отправила девчонок домой. Следовало сделать это раньше. Мы завернули Аню в одеяло, чтобы не разбудить ее при одевании.

Милицейский наряд приехал в начале четвертого. Я спала в кресле, время от времени вздрагивая и подсакивая, как от электрошока. И тогда мне в глаза бросалась надпись на стене напротив. Е Ш 230 105 666. Загадка, скрывающая угрозу. Таинственный ряд цифр с числом дьявола в конце. Нет, я совершенно ничего не понимаю!

Возможно, ментов было больше, но на четвертый этаж добрался лишь один невероятно измочаленный лейтенант. Он едва не свалился ко мне на руки от усталости.

– Хотите, сварю крепкий кофе? – предложила я.

Лейтенант встряхнулся. Но его взбудоражило не слово «кофе», а мое отношение. Наверное, за всю ночь я была первой женщиной, встретившей его не упреками, стонами и воплями, а практически накрытым столом.

Пока я варила кофе, пацан осматривал квартиру.

– Вы ничего не трогали?

– Нет. А когда приедет эксперт?

– Какой эксперт? – опешил лейтенант.

– Для снятия отпечатков и изучения микрочастиц.

Если бы при появлении мальчугана я ждала его на пороге с караваем и сочно зажаренным эскалопом, то и тогда его удивление было бы менее сильным.

Лейтенант закашлялся. Рация на его левом полубюсте урчала и поругивалась. Я поняла – мой вопрос об эксперте был, по крайней мере, бестактен. Чего я требую? Какого эксперта? Меня ведь не стукнули по голове, не убили. И вероятно, даже ничего не украли. Только покуражились, разгромили технику, перевернули все вверх дном и оставили на стене непонятное послание.

– Что это? – спросил парнишка, изучая надпись.

– Не представляю.

– Дверь, как я заметил, не взломана. Замок хороший.

– Да, непростой.

– А у кого-то еще есть ключи?

– У мамы и подруги.

– В принципе, любой замок можно открыть секунд за двадцать. Видимо, вашим гостям обязательно хотелось проникнуть именно в эту квартиру. Что-нибудь пропало?

– Вроде бы ничего, – пожала я плечами.

– Совсем?

– Совсем. Но все изломано!

– А знаете, Юлия Андреевна, я как зашел, сразу подумал: сюда залезли не воры. Вон, шикарная шуба валяется около кресла.

– Да бросьте, – засмушалась я. – Скажете тоже. Не шуба, а полушубок. И не шикарная, а старый облезлый енот.

– Все относительно, все относительно. Потом – золотая цепочка висит на ручке шкафа. Это вы повесили?

– Нет.

– Вот! Она вывешена демонстративно. Мол, мы тут были, но ничего не взяли. Вы даже не представляете, Юлия Андреевна, как сейчас грабят. Уносят все, вплоть до надкусанного яблока и поношенных детских сандалий.

– Я знаю. В газете читала.

– А я своими глазами видел. Вы, смотрю, девушка грамотная, подкованная. Тогда объясните мне, кто к вам залез. И зачем. И что обозначает эта надпись на стене.

Прелестно! Лейтенант, как и Ириша, ждал от меня ответа. Да откуда мне знать, что обозначает эта надпись!

– Три шестерки – число сатаны, – глубокомысленно пробормотал юноша. – Вы, случайно, не связаны с сатанистами?

– Так, закончили! – рявкнула я. – Убирайтесь! Я не буду писать заявление. Считайте мой вызов ошибочным. У меня ничего не украли. Следовательно, и искать вам нечего.

– Да вы не сердитесь, Юлия Андреевна! Это ж просто процедура такая. Я задаю вопросы, вы отвечаете. Сейчас акт составим. Хотя я с вами согласен. Вам кто-то насолил. И вы, если подумаете, догадаетесь кто. Подсказка – на стене.

– Да. Это моя личная проблема. И милиция здесь ни при чем, – измученно выдавила я. Сейчас я хотела только одного – свалиться в кровать и закрыть глаза. И пусть из-под опущенных ресниц текут слезы. Я буду сладко шмыгать в подушку и вытирать мокрые щеки.

– Юлия Андреевна, а вы не нальете еще кофе? – жалобно попросил лейтенант. – У нас четыре вызова осталось. Я уже вторые сутки верчусь волчком.

Я налила ему кофе и молча изготовила бутерброд. Глаза паренька вспыхнули благодарностью, а кадык судорожно дернулся, когда он увидел гигантское сооружение из батона, ветчины и огурца.

Мне сейчас плохо. Пусть хоть кому-то будет лучше.

Глава 4

Новая атака

Славный апрельский день, пронизанный солнечными лучами, – мокрый, свежий. Солнце отражается в лужах, с крыш течет, черные сугробы оседают прямо на глазах...

Во дворе ждал монстрообразный джип Аслана Кумраева, владельца мебельных салонов «Таунхаус». Удивительно, как шоферу удалось сохранить бока машины в девственно-чистом виде. Автомобиль сверкал лаком, на нем не было ни единого пятнышка. А я вот обляпала плащ и джинсы, пройдя всего десяток шагов от подъезда до парковки.

Капиталист Кумраев встретил журналистку в штаб-квартире. Ему не терпелось познакомиться меня со своей мини-империей. Аслан подчинил влиянию пока лишь городской рынок мебели элит-класса, но у него масштабные замыслы. В проекте – область, весь Урал. Потом – Россия. Лавры создателя ИКЕА не дают Кумраеву покоя. Но не знаю, не знаю... С такими ценами, как в салонах «Таунхаус», вряд ли можно рассчитывать на мировое господство. Кумраеву сначала придется глобально поднять жизненный уровень населения, а для этого ему необходимо стать президентом страны или хотя бы премьер-министром. И тогда он, наконец, уймет монополистов, разъяснит олигархам суть выражения «природная рента», перестанет *сливать* деньги в Стабфонд, расстреляет всех до одного коррумпированных чиновников, раскулачит зажавшихся клоунов из Госдумы и многое, многое другое. Народ сразу заживет счастливо, и все станут покупать мебель в салонах «Таунхаус».

Конечно, я не стала грузить господина Кумраева моими идеями. Он платит журналу не для того, чтобы худосочная журналисточка в заляпанном плаще давала ему советы. Тем более что эта девица и собственные проблемы решить не в состоянии...

Нет, ну кое-что я успела за воскресенье. Благодаря друзьям. Проснувшись утром, решила начать день с оплакивания интерьера и предметов обстановки. Однако появилась Ириша и заставила меня взяться за уборку. Мы привели квартиру в порядок. Рассортировали вещи. Кривенько, но повесили сорванную книжную полку. Заклеили обоями загадочную надпись.

Потом позвонил шеф Степан Данилыч и, выяснив размер ущерба, пообещал отдать мне телевизор Sony. Без-воз-мезд-но! «Наконец-то куплю себе плазменную панель», – поделился он. Добрейший человек!

Заглянул, испугавшись грохота, сосед Виктор, программист. Я вручила ему истерзанный ноутбук с заданием исторгнуть память. Витя проявил милосердие – пожертвовал б/у компьютер. Надо же на чем-то работать, пока не накоплю на новый ноутбук. Затем приехал мастер и целых три часа менял замок...

Итак, Аслан Кумраев. Импозантный брюнет с голубыми глазами. Учитывая его доходы, легко быть импозантным и с голубыми глазами. Кстати, при таком описании сразу представляешь себе молодого Алена Делона. И тут – бац! – видишь перед собой Аслана Кумраева. Что ж... Для мужчины внешность – не главное.

Он тут же попытался сразить меня обаянием. Но так как позавчера я уже была сражена наповал – не обаянием, а наглостью неизвестных захватчиков, – то лишь слабо подергивалась в ответ на электрические импульсы, посылаемые капиталистом.

Я задумалась: к чему эти попытки быть очаровательным? Зачем ему это? К чему эффектные жесты, позы, придерживание под локоток, улыбки, пугающие неестественной белизной? И поняла – Аслан флиртует вовсе не со мной. А с самим собой. Особая разновидность нравственной мастурбации – человек постоянно видит себя со стороны и получает от этого небывалое наслаждение.

Мы с Кумраевым объехали пять салонов. В одном обнаружили нашего фотографа. В позе журнального столика Тим Тимыч запечатлевал натуру – роскошные кровати и секретеры, доставленные прямо из Милана. А вокруг толпились продавщицы в белых блузках и коротких черных юбках (похожие на официанток).

Если описать внешность Тим Тимыча – а он не импозантен и не голубоглаз, – то родится цитата из учебника биологии. Тот раздел, где говорится об орангутангах. Однако, чтобы произвести впечатление на женщин, нашему фотографу не приходится сверкать отполированными зубами. Его оружие – пренебрежение в сочетании с наглостью. Девушки (особенно зрелые) сами выстраиваются в очередь, находя внешность фотографа пикантно-челентанистой, а его манеры – предельно мужественными.

– Привет, мармеладка, – окликнул меня Тим. – У тебя, говорят, что-то случилось?

Ну вот, уже все знают о моей трагедии. Наверняка тут не обошлось без Степана Данилыча. Проговорился, бессовестный болтун!

– Какие-то уроды покуражились в квартире.

– Много унесли?

– Ничего не унесли, но все испортили.

– Тебе кто-то мстит?

– Не знаю.

– Помощь требуется? Грубая мужская сила?

– Грубая мужская сила требуется всегда. Но особенно – грубая мужская нежность. Спасибо, Тимоша! Если что, я попрошу.

– Не стесняйся.

– Юлия! – окликнул меня Кумраев.

Он раскинулся цыпленком табака на роскошном диване. Аслан похлопал ладонью по обивке:

– Новая коллекция, обратите внимание. Инкрустированное венге плюс филигранно выделанная кожа.

– Потрясающе! – восхитилась я. – Фантастично!

В пятом салоне у меня случился паралич лицевых нервов – настолько я устала восхищаться. Лицо ныло от постоянной улыбки. А ведь могла бы работать не в рекламном журнале, а в одной из местных газет – защитницей угнетенных и обиженных. Правда, газета курируется губернатором и поэтому избирательно подходит к выбору угнетенных и обиженных. Но тогда мое лицо болело бы от постоянной гримасы возмущения. Ведь кругом столько несправедливости!

Нет, лучше буду улыбаться.

– Ну что, Юлия, достаточно впечатлений? – самодовольно спросил Аслан.

– Вполне.

– Надеюсь, статья получится выразительной. На всякий случай я приготовил несколько буклетов. В них дополнительная информация. Если я что-то забыл.

Подбежавшая секретарша сунула мне в руки два увесистых пакета, набитых рекламными проспектами салонов «Таунхаус». Я согнулась под их тяжестью, мои руки оттянулись до земли.

Шимпанзе, урвавшая две связки бананов.

А сейчас Кумраев потащит журналистку в ресторан. Я приготовилась упираться изо всех сил. Клиенты постоянно зовут на обед. И я чувствую себя собачкой, которую подкармливают «Чашпи», чтобы сделать ее голос более звонким.

– Теперь, Юлия, мы с вами расстанемся, – заявил Кумраев.

Собачка замерла.

Как это «расстанемся»?!

А покормить?!!

Ах, ну ясно! Он привык появляться в ресторане с более интересными спутницами. А тут какая-то невзрачная журналистка. В джинсах и свитере. Сегодня я даже не накрасилась – нервная система была подорвана кошмарными событиями пятницы. Хотя Ириша всегда твердит мне, что в нашем предкрематорном возрасте выходить из дому с ненакрашенными губами – позор!

– В семь вечера жду вас в салоне на Свиридовской. Будет презентация новой коллекции. Фуршет, развлечения.

Секретарша вновь метнулась ко мне и вручила пригласительный билет. А он отлично вымуштровал персонал, этот импозантный, голубоглазый брюнет (далеко не Ален Делон)!

– Фотографу я тоже дал флаер. Придете?

– Обязательно. В нашем журнале я веду еще и светскую хронику. Вы, наверное, видели. Две последние страницы.

– Да. Но кстати, ни разу не видел подписи «Юлия Бронникова» на страницах журнала. Вы пишете под псевдонимом?

– Да.

– Пойдите, угадаю. Уж не та ли искрометная, остроумная Виолетта Гусь? Точно? Я, знаете ли, давно хотел познакомиться с женщиной, которая так незаурядно мыслит и блестяще излагает. Мне...

– Вообще-то я – Анфиса Броневиц, – мрачно перебила я.

– А... Тоже очень звучный псевдоним. Ну, Юлия, увидимся на презентации!

Сейчас же вернусь домой и перечитаю все статьи Виолетты Гусь. Разве они искрометные и остроумные? Да ничего подобного! Пустая болтовня. И вообще! Нечего искать остроумия и особой литературности в рекламном журнальчике! Он бы еще восхитился великолепным стилем и изяществом чьей-нибудь эсэмэски.

Кстати, под псевдонимом Виолетта Гусь скрывается наш босс Степан Данилович. Если уж так нейдет, могу и познакомить с этой незаурядной женщиной.

Так, ну ладно. Салоны «Таунхаус» и Аслан Кумраев, очарованный Виолеттой Гусь, – это, конечно, хорошо. Но мне необходимо думать о другом.

Е Ш 230 105 666. Код, шифр, послание. Оно горит у меня перед глазами кровавым росчерком. Я обязана как можно скорее разгадать его, чтобы предупредить следующий выпад таинственного недруга. Ведь погром в квартире – не просто чье-то развлечение. Это угроза, предупреждение, начало войны.

Мне страшно...

Я встряхнулась, сфокусировала взгляд и обнаружила себя посреди чудесной весенней лужи. Лужа сверкала на солнце, покрывая асфальтовый островок между гор мокрого снега – дворник дробил сугробы и скидывал остатки зимнего великолепия на тротуар.

– И все равно – весна! – напомнила я себе.

Весна – это праздник. Свежий, пропахший арбузной коркой, воздух, сумасшедшие птички базары, солнце, сияющее в лужах, хрустальные капли на голых черных ветках... Весна – это обещание перемен. Когда я перестану радоваться всему этому, то пойму: наступила старость...

И ведь я только-только начала оттаивать после екатеринбургского эксцесса! Я купалась в весне, надеясь, что она излечит мою рану. Избавит от обиды и унижительных воспоминаний. Конец января, февраль, март я пыталась стереть из памяти *его* образ и забыть *его* имя. Но оно билось в висках перестуком колес: ни-ки-та-ни-ки-та-ни-ки-та... Яростное январское негодование сменилось затаенной февральской болью, плавно перетекло в черную меланхолию марта. И лишь в апреле стало легче – благодаря наступлению весны. Я даже начала утешать себя мыслью, что на свете существует другой мужчина, способный так же точно соответствовать моим

представлениям об идеале. И он – другой – обязательно когда-нибудь мне встретится. Но, в отличие от Никиты, не окажется подлецом.

Зачем я поехала на этот проклятый тренинг?!

Ничто так не отвлекает от мрачных мыслей, как своевременно упавший на голову кирпич. В крайнем случае подойдет и мчащийся на вас автомобиль.

Я едва успела отскочить в сторону грациозной ланью (спасибо детскому увлечению художественной гимнастикой!). В отличие от джипа Аслана Кумраева автомобиль, едва не сбивший меня, был весь забрызган грязью. Но и в противоположном случае я вряд ли успела бы рассмотреть и запомнить номер. Ведь в момент атаки предавалась размышлениям.

Несколько минут я изображала телеграфный столб. В мой рот, разинутый от ужаса, настоятельно требовалось вставить сигарету. Что я и сделала.

Дворник – свидетель происшествия – покачал головой.

– Совсем о..., – буркнул он. – Не задело?

Я мотнула головой и протянула ему пачку. Антиникотиновую кампанию, к несчастью, придется отложить до лучших времен. Сначала надо попытаться выжить.

Дворник с явным удовольствием стрельнул у меня курево. Тонкая перламутровая сигаретка странно смотрелась в его черных, заскорузлых пальцах. Я с вождением затянулась и ощутила, как ароматное облачко распласталось по языку.

– Там они что-то бросили из окна, – заметил дворник, прикуривая.

– Неужели деньги? – предположила я.

Гениально! Давишь беззащитного прохожего и одновременно швыряешь ему в окно деньги – на лечение или на похороны. Как это гуманно!

Дворник аккуратно сдвинул меня с места, взгромоздился на еще не изрубленный сугроб и поднял журнал. В нем я сразу признала старый выпуск «Удачных покупок». Журнал раскрылся как раз на материале о бутиках «Мемфис» – потому что страницы были прибиты степлером к первой и последней обложке.

– Девушка... Ау! – Дворник махал у меня перед носом рукой. Наверное, ему не понравилось выражение моего лица.

Мне бы и самой оно сейчас вряд ли понравилось.

Статью перечеркивала размашистая надпись:

«ТЕБЕ КОНЕЦ!»

Жирная стрелка, выведенная маркером, вела туда, где значилась подпись – *Анфиса Броневик*.

Глава 5

Веселенькая ночь крестной матери

На презентацию я заявила в мини. А лучше бы – в бикини. Тогда хоть кто-то обратил бы на меня внимание.

Как светский хроникер, я вынуждена преодолевать километры, шатаюсь с бокалом шампанского в руке. Нашему боссу захотелось, чтобы в «Удачных покупках» присутствовала рубрика светской жизни. А так как в момент озарения в пределах видимости мелькала лишь Юля Бронникова, то вести страницу поручили мне. Я отбивалась дыроколом и кофейной чашечкой. Но Степан Данилыч категорически не способен понять, что слово *нет*, произнесенное женщиной семьсот раз подряд, действительно выражает отрицание. Он полагает, ни одна девушка не способна уяснить, чего ей хочется на самом деле.

Посещение гламурных вечеринок – не лучшее занятие для человека, склонного к медитации. Это я о себе. Нет, я тоже люблю развлечения. Но развлекаться в принудительном режиме обременительно для тела и души. К тому же на презентациях шумно. И часто запрещают курить. Правда, кормят, но лангет или яблочный штрудель меня совершенно не интересуют. А за сигарету я Родину продам.

(Как это ничтожно – продавать Родину за сигарету! Лучше равняться на олигархов – они то обменивают ее на яхты, футбольные клубы и бесконечные швейцарские счета. Рубят лес, откачивают нефть, рукой опытной акушерки выскабливают недра. Торгуют тем, что принадлежит будущим поколениям. Но зато не мелочатся. И мир судорожно проглатывает комок удивления, узнав об очередной миллиардной сделке. И размышляет о загадочной душе русских: одни хапают до отрыжки, украшая своими именами «Форбс», другие десятилетиями безвольно терпят...)

...Необходимость тусоваться рождает проблему гардероба. Светские львицы, я поняла, обладают потрясающей зрительной памятью. Им бы в разведке работать. «О, Юлечка, – напоминают они мне, – именно в этом платье ты была на открытии выставки!» Да, была. Да, в нем. И не только на открытии. Но и на закрытии. И еще на восьми презентациях. Но ведь я приделала брошь и накинула сверху Иришин кардиган – неужели недостаточно! Какой бешеный энтузиазм в отношении одежды, фигуры и состояния морды. И абсолютно никто не заботится о состоянии мозгов!

Что ж, по долгу службы пришлось обзавестись вечерним платьицем. Я долго не решалась его купить – на ценнике была указана жуткая цифра. Но Ирина ткнула меня лицом в модный дамский журнал. Там было написано: «В гардеробе порядочной девушки обязательно присутствует хотя бы одно вечернее платье». Убитая осознанием своей непорядочности, я пошла и купила наряд. Но вскоре прочитала в другом журнале: «Вы думаете, у настоящей женщины непременно есть хотя бы одно вечернее платье? Полная ерунда! Необходимо иметь как минимум пять платьев...»

Наверное, это какой-то особый мир! В нем порядочность человека измеряется количеством нарядов...

Итак, я надела мини. Одолжила у Ириши юбку и блестящий топ. И пусть хоть одна сволочь заикнется о моей склонности к повторениям!

После наезда джипа в голове царил сумбур, а в груди витал страх. Зато с ногами – полный порядок. Не зря же семь лет занималась художественной гимнастикой. Обычно, когда я в мини, мужчинам трудно оторвать взгляд от моих ног. Наверное, на лицо и бюст им смотреть больно.

Аслан Кумраев поприветствовал издали легким наклоном головы. Я-то думала, он бросится ко мне, сметая по пути расфуфыренных девиц. Наш фотограф Тим Тимыч (в его семье,

как и в семье президента Буша, не подозревают о существовании в природе других имен) уже вовсю трудился: отщелкивал пленку, пил шампанское, сметал канапе и роллы и не забывал о дамах. Он тоже подмигнул мне издалека.

Похоже, мои ноги – не самый горячий хит этой вечеринки.

Как грустно!

Аслан Кумраев произнес короткую речь во славу салонов «Таунхаус». Народ клубился вокруг накрытых столов. Диваны и кресла из новой коллекции стояли на подиумах. Мудрое решение – иначе кто-нибудь обязательно уселся бы и заляпал их вином и майонезом.

И тут появилась Ириша. Я позвала ее на презентацию, чтобы как-то разнообразить суровые будни матери-одиночки.

Подруга выглядела как обычно. Иными словами – изумительно. Открытые плечи пленяли совершенством форм, темные глаза мерцали, как ночное море, бликующее в свете луны. Никакой укладки – на работе она стягивает волосы в сердитый пучок, а сейчас, длинные и блестящие, они струятся по спине. Время от времени Ирина отводит от лица упавшие пряди. В ее жестах – неосознанная грация. Я не художник и не лесбиянка, но меня завораживают ее движения...

– Нюточка с няней?

Так как ребенок часто болеет, у Ирины припасена бабушка из соседнего дома для работы бебиситтером. Вот и сейчас ее услуги понадобились.

– Да. Но в десять я обязана вернуться. А ты в порядке?

– Вроде бы.

– Этот сумасшедший джип точно тебя не задел?

– Не задел.

– Юля! Ты обязана заявить в милицию! Тебя кто-то преследует!

– Но я уже вызывала милицию, – обиженно поджала я губы. – Истратила на ожидание семь часов. И каков результат? Меня едва не записали в секту сатанистов!

– Ну, не знаю... Но надо же что-то делать! Завтра тебе подложат бомбу к двери!

– Не добивай, прошу! – взмолилась я. – И так страшно!

– Но ты держись. Мы вместе!

Стоило Ире очутиться рядом, как тут же подоспел Тим Тимыч. Он начал выделять кульбиты вокруг подруги, танцевать, ложиться на пол. Другие фотографии, мне кажется, работают в менее ажиотажной манере.

– Посмотрите сюда! Чудесно! Отлично! Вы настоящая красавица!

– Спасибо, – смутилась Ириша.

– Еще пару снимков, пожалуйста! Вы не против? Чудесно! Чудесно! Увидите себя в нашем журнале!

– Юля, вы не представите меня своей очаровательной подруге? – вкрадчиво прозвучало рядом. Господин Кумраев уже держал меня за локоть и буравил взглядом Ирину.

Так. Сейчас к нам выстроится очередь.

– Знакомьтесь. Аслан Кумраев. Владелец мебельных салонов «Таунхаус», хозяин сегодняшнего вечера. Ирина Римашевская, сотрудница агентства недвижимости «Квартал».

– Вот как? Интересно. Очень удачно, – подхватился Кумраев. – Ирина, а мне как раз требуется консультация риелтора. Вы не против?

Ириша одарила меня прощальной улыбкой и, влекомая капиталистом, через секунду растворилась в море расфранченной публики.

В половине десятого, возбужденная, порозовевшая, Ирина выскочила на улицу, разыскивая подругу. Я, естественно, курила. Ира подняла на меня умоляющий взгляд.

– Юлечка, пожалуйста, давай я останусь?

– Неужели тебе здесь нравится?

- Конечно, нравится! Я первый раз за столько лет вырвалась на свободу! Юля, умоляю!
- Да ради бога, оставайся!
- Но ты отпустишь няню?
- Хорошо, договорились.
- Только обещай не курить при Анечке!
- Да никогда в жизни! Что я, изверг?
- Ой, Юля, не ври. Я же видела! Ты курила на кухне!
- Не курила!
- Курила!

– Но не на кухне. Я практически висела за окном. Как промышленный альпинист. Я торчала в форточке, едва раму не вынесла. Жизнью рисковала, можно сказать, ради здоровья ребенка. А ты меня обвиняешь!

- Ну, извини, извини.
- Вот так всегда! Домыслы, инсинуации!

– Не обижайся. Слушай, как я благодарна тебе за этот вечер! После того, что сегодня случилось в агентстве, мне просто необходимо было разрядиться.

- Что там у вас? – забеспокоилась я.

Не у меня одной проблемы.

- Все то же. Лев вопил и топал ногами. Изверг!

- Чем он опять недоволен?

– Все тем же. Сам повесил на меня три неликвида. Теперь возмущается, что я их не реализовала. А как это сделать? Увы! Я не Елена Исинбаева и выше головы не прыгну.

Да уж! Один уверенно торгует в Арктике вентиляторами, а у другого даже спелые мандарины под Новый год не разбирают. Ириша из числа последних.

- Таиров орал, как ненормальный. А у меня сразу слезы, ты ведь знаешь...

- Прямо-таки орал?

- Ну... Покрикивал от возмущения. Намекнул, что я тупая курица.

– Что?! – ахнула я и ощутила, как в груди поднимается волна феминистского негодования. – Какая скотина! Открыто обозвал курицей?!

– Не прямо, конечно... Он сказал: «Ирина Сергеевна, вы чудовищно непрофессиональны».

- Это даже хуже, чем *тупая курица*! Какой урод!

– Лысый, неповоротливый урод. Юля, он меня просто ненавидит, я это чувствую. Третирует, изводит. Цепляется по мелочам. Наверное, я начну искать другую работу.

- Постой. Давай я попытаюсь сбагрить твой неликвид.

- Это невозможно!

- Давай попробуем. Нельзя сдаваться без боя!

- Юля! Да у тебя самой хватает проблем. Квартиру разнесли, джипом едва не задавили...

- И что теперь – не жить?

- Жить! Но...

– Решено, – перебила я подругу. – Будем продавать. Докажем этой жирной лысушке Таирову, что не один он разбирается в недвижимости.

– Юля, – вздохнула Ириша. – Знала бы ты... Думаешь, стоит только глазом моргнуть, и сразу же выстроится батальон желающих купить квартиру?

- Именно так я представляю себе работу квартирного брокера.

– Ага, конечно! Ну ладно, попробуй. Вдруг у тебя получится. Там две квартиры и участок с недостроенным коттеджем. Дам тебе адреса, ключи и начну присылать клиентов.

– Отлично! – У меня уже чесались руки. Я готова была приступить к обязанностям риелтора немедленно. Только допью шампанское.

– Юль, – нерешительно позвала Ириша.

– А?

– Чтобы отпустить няню в десять, тебе надо уехать прямо сейчас, – смущенно напомнила подруга.

– Уже мчусь. Желаю приятно провести время. Ты когда вернешься-то?

– Если ты не против... Попозже. Ладно?

– Ладно, резвись, – махнула я рукой, преисполненная самодовольством от своей царской щедрости.

– А как тебе Аслан? – Ирина загадочно улыбалась. – У него такие голубые глаза...

– Ну... Глаза, конечно, голубые. А что?

– В нем есть что-то нерусское, да?

Я глубоко задумалась.

– Имя? – угадала я, наконец. – Иринка, если ты остаешься ради Кумраева, то поверь: он не стоит твоего внимания. Самовлюбленный, зажавшийся самец. К тому же буржуй.

– Не вешай ярлыки. Он симпатичен. И он меня интригует. Но почему у него голубые глаза? Вообще-то они должны быть карими.

– Да бог с ними! Моргают, и ладно. Ириша! Этот мужчина нам не нужен.

– Он оказывает мне знаки внимания.

– Мне тоже.

– Правда?

– Угу. Сегодня днем. Когда я брала у него интервью. Это его стиль – оказывать знаки внимания.

– Нет... Кажется, я понравилась Аслану.

– Еще бы ты ему не понравилась! Покажите мне мужчину, которого не взволновала бы такая красотка.

– Лев Таиров, – быстро ответила Ира.

Я поперхнулась. Действительно. Лев Таиров, местный король недвижимости. Неординарная личность, избежавшая чар моей прелестной подруги. Наверное, стоит заехать в «Квартал» и посмотреть на этот уникальный экземпляр.

– Ну все. Решай сама. А я умчалась!

И нянька, и Нюра встретили меня радостно. Если кто-то думает, что в десять вечера двухлетние девочки обычно сладко спят в кроватках, он здорово заблуждается. Потому что некоторые двухлетние девочки любят побузить. И затягивают процесс до трех ночи.

Я отпустила няню и забрала Анюту к себе. Неизвестно, когда вернется Ириша, вдохнувшая воздух свободы. А спокойно провести вечер у телевизора, поджидая ее возвращения, мне помешала бы душевная смута. Что-то отвратительно екало в груди, хватало сердце и увлекало его в бездонную пустоту. Это были страх и недоумение. Кому я перешла дорогу? Кто ополчился на меня?

Чтобы отвлечься, требовалось занять мозги. Я решила всю ночь писать статьи о «Таунхаусе» и презентации. Но сначала искупала Анечку, попутно залив в ванной весь пол водой и пеной, покормила детеныша манной кашей с вареньем, отмыла от варенья Анечку, себя и стены на кухне, уложила ребенка спать на диване. И в полночь наконец-то села к компьютеру.

Не успела я сочинить и строчки – пятнадцать минут ушло на тоскливые воспоминания об утраченном ноутбуке, – как Нюрочке приспичило в туалет. Но ведь я предусмотрительно надела ей памперс! Ладно, так и быть, посидим на горшке. Горшок у тети Юли имеется, к тому же музыкальный: вознаграждает усилия младенца нежной мелодией.

В час ночи Анечка захотела булку. Где-то в два – чаю. В три часа малышка вновь попыталась исторгнуть из горшка чудесную мелодию. Но так как ее мочевой пузырь еще не накопил достаточную порцию живительной влаги, вредный горшок отказывался выступать на бис.

Урод! Дите расстроилось, нависла угроза ночной истерики. Пришлось поливать предателя водой из чашки, добиваясь адекватной реакции.

К пяти утра я наконец-то закончила статьи (большую – о салонах и маленькую – о презентации) и перегнала их по электронке Степану Данилычу. От босса сразу же пришел ответ: «Умничка!» Не одна я сижу у компьютера в пять часов утра.

Что ж, теперь – спать! Глаза слипались, я уткнулась в подушку и тут же заснула беспробудным сном.

В 5.15 подскочила с рыданиями Анечка. Она сидела на диване и обливалась слезами. У человечка приключилось невероятное горе: проснувшись, она не обнаружила рядом маму.

– Но я же с тобой, мой зайчонок, – не в силах разлепить глаза, простонала я и заключила малышку в объятия.

В половине восьмого я уже мчалась по улице с ребенком на руках, чтобы сдать груз в садик. Сдала. Вернулась домой и позвонила Ирине. Ее домашний и сотовый не отвечали.

Так-с... Что-то мне это не нравится...

Но разобраться, куда исчезла подруга, я не стала: «плыла» после ночного веселья. Поэтому упала в кровать и решила, в конце концов, компенсировать организму урон, нанесенный бессонной ночью. Как приятно зарыться в подушки и одеяло, закрыть глаза, забыть обо всем и...

Мою дверь явно взламывали. Она дрожала от могучих ударов. Это ОМОН? СОБР? Передовой отряд местной мафии?

Замирая от ужаса, я посмотрела в глазок. О нет! Моя любимая мамочка...

Лучше бы ОМОН!

– Почему ты сменила замок? Юля! Здравствуй!

– Привет, мам. Ты откуда?

– Провожала в аэропорт делового партнера. И решила на обратном пути заглянуть к тебе.

Почему ты сменила замок?

– Наверное, твой деловой партнер – важная персона, раз ты самолично проводила его в аэропорт.

– Важная. Что с замком?

– Ну... Старый стал заедать. Пришлось сменить, – честно объяснила я.

– Понятно. Юля, у тебя странный вид. Что это на щеке? Шрам какой-то. Постой! Это след от подушки? Ты что – спишь?!!!

Какое потрясение слышится в мамином голосе! Словно она застала дочь у камина, где та, ловко орудуя щипцами, сжигала плотные пачки долларов – одну, вторую, третью... Ночной кошмар банкира!

– Уже нет. – Я потеряла щеку рукой, пытаюсь убрать с лица следы страшного преступления.

– Но, Юля! Сейчас девять часов утра! Девять, ты понимаешь, девять! Как это на тебя похоже! Ты проспидишь всю свою жизнь!

Приехали.

Мать навестила дочурку и, как обычно, убедилась в ее ничтожестве. Девять часов утра, вы только подумайте! А она (я) в любимой позе: мордой в подушку!

Преступница!!!

Глава 6

Я знала: Кумраев – подлец!

С Ирой мы встретились только в полдень. К тому моменту я уже пребывала в полном замешательстве, не понимая, куда исчезла подруга.

Я дымила за компьютером, редактируя статью для дамского журнала «Стильная леди», и планомерно уничтожала запасы растворимого кофе. «Стильная леди» – мой дополнительный заработок. Журнал принадлежит американскому издательскому холдингу и является клоном столичного глянцевого собрата. Моя статья называлась «Сбрось его!» и, естественно, посвящалась теме жировых отложений. Я профессионально вскрывала проблему, не оставляя читательницам шанса заподозрить, что:

- 1) статья написана не диетологом;
- 2) и не личным референтом Монтиньяка;
- 3) а также – не родной сестрой Аткинса;
- 4) автор обладает дефицитом массы тела;
- 5) и никогда в жизни не сидел на кремлевской диете;
- 6) а также – на углеводной, гречневой, кефирной, импульсной и исключительно эффективной диете южноафриканского племени тубамбве.

Надо сказать, в январском номере журнала была опубликована моя статья «Брось его!». С вдумчивостью Адлера и проницательностью Фромма я муслировала вопрос о мужчинах, нас недостойных.

Да, представьте себе, существует некая разновидность мужчин, которые тянут девушек назад и тормозят их развитие... О боже, как давно ни один мужчина не тормозил мое развитие! Пусть жил бы у меня, выходил из ванны, обмотанный полотенцем, с капельками воды на мускулистой спине... Или даже без полотенца... О да, да! Мужчина! Приятное, временами разумное существо, отличающееся крепким сложением, волосатыми конечностями и твердой логикой. Способное съесть килограммовый бифштекс и четыре часа подряд пялиться в телевизор.

И пусть бы его звали Никитой...

Никита, Никитушка...

Проклятье!

Не-на-ви-жу!

Ириша долго ковыряла ключом в новом замке. Я бросила на подругу мимолетный взгляд и выразила недовольство ее поведением.

– Ну, ты вообще! Надо же предупреждать! Исчезла, и ни ответа ни привета! Мать называется!

Подруга удивляла экстремальным макияжем. Как это ей не свойственно! Глаза Ирины, обведенные розовыми тенями, подозрительно блестели.

– Радость моя, а ты не переусердствовала с косметикой? У тебя больной вид.

– Я не накрашена.

Я, наконец, оторвала взгляд от компьютера и пригляделась. О! Ириша в самом деле была не накрашена. Она была заревана, измучена, раздавлена.

Моя несчастная девочка!

– Что случилось? – теряя сознание от страха, пролепетала я.

Первая мысль: Ирине позвонили из детского садика. Анечка свалилась с турника. Или облилась горячим супом. Или у ребенка внезапно развился отек Квинке. Или что-то еще более ужасное! Хотя – КУДА УЖАСНЕЕ?!!

- Что?! – проорала я.
- Кумраев меня изнасиловал.
- ?!
- Да.

– Из-на-си-ло-вал. – Губы с трудом выговаривали ужасное слово. – Значит, эту ночь ты провела с ним?

Даже в состоянии шока я не утрачиваю способность мыслить логически. Это мое сильное качество.

– Он пригласил продолжить вечер у него дома. Обещал продемонстрировать какую-то коллекцию: то ли картин, то ли засохших бабочек, не помню... А я уже основательно опьянела от шампанского. Мне было фантастически весело. Я почти три года занималась только ребенком и работой, металась по замкнутому кругу, выполняя однообразные обязанности. И тут такая отдушина, драйв!

– И ты поехала к нему.

– Да. До коллекции мы не добрались. Кумраев принялся рвать на мне одежду прямо в холле. У него огромный дом. В холле мраморный пол. С подогревом.

– Следует ли понимать, что секс у вас был прямо на полу?

– Да. А еще в гостиной и в спальне.

– Итого – три раза? – удивилась я.

Какая сволочь этот Кумраев! Он не только надругался над моей подругой, но и вытер ею весь пол в своем коттедже. Сэкономил на домработнице, скотина перепончатокрылая!

– Восемь, – траурным тоном поправила меня Ириша.

– Восемь?!

– Да, восемь.

Я подавленно замолчала. Мое отношение к Аслану Кумраеву приобретало характер амбивалентности. Да – скотина. Да – перепончатокрылая. Но ведь гигант!

Или – пожиратель виагры.

Вообще-то мы с Иришей не делимся друг с другом интимными подробностями. Вульгарно трезвонить об особенностях полового акта противоречит ментальности русской женщины. Другое дело – рассказать о тончайших душевных переживаниях, сопутствующих восьмикратному совокуплению. Я вспомнила о намеках Степана Данилыча на особое физиологическое строение Кумраева.

Ай, бог с ней, с ментальностью! Нужно обязательно все подробно разузнать. У меня возникла масса вопросов. Восемь раз – это долгая песня. Не на час и не на полтора. Каким образом Кумраеву удалось так долго подавлять сопротивление подруги? Неужели в паузах у нее не было возможности треснуть его чем-нибудь тяжелым по голове?

Ах да, я забыла про Уголовный кодекс. Наш Уголовный кодекс явно составлялся без участия женщин. Он пропагандирует одну мысль: мужик всегда прав. И поэтому насильника нельзя бить тяжелым по голове. Его вообще нельзя обижать. Не дай бог поцарапаешь уroda – тюрьма гарантирована. Закон таков, что девушке предпочтительней вспомнить циничную народную мудрость и расслабиться, пустив дело на самотек. Если же она попытается отстоять честь, используя попавшийся под руку инвентарь, ее ждет несчастная судьба – унижительные многочасовые допросы, следственные эксперименты с сладострастным выяснением подробностей, осуждающие взгляды толпы...

Нет, нет, Ирина конечно же не могла покалечить или убить Кумраева и сесть в тюрьму. Ведь у нее маленький ребенок. Но неужели у нее не было шанса сбежать?

Наверное, все эти немые вопросы до невозможности обезобразили мою мор... симпатичное лицо. Потому что Ирина всхлипнула, посмотрев на меня.

– Ну да, да, я преувеличила... Он меня не насиловал. Сначала и сама хотела. Первые два раза. Но потом, когда я сказала: «Аслан, больше не надо, остановись!» – это не произвело на него никакого впечатления. Он вообще меня не слышал! Мечтала о романтическом приключении, а получила животный секс. Он зверь какой-то! Совершенно слетел с катушек. Я думала, он меня растерзает, сотрет в порошок! Вертел, как тряпичную куклу, мял, как тесто! – Ириша всхлипнула.

Я погладила ее по руке.

– Что я натворила! Зачем поехала к нему? Мерзавец! Мне хотелось нежности, я так устала быть сильной, решать все вопросы, заботиться о ребенке. Мечтала хотя бы на один вечер забыть о проблемах, ощутить себя желанной, любимой... Пусть это будет обман, но красивый, утонченный! А что в результате? Меня словно измазали грязью, механически использовали, как резиновую куклу. Как это противно! Ненавижу себя!

Ириша уткнулась лицом в ладони и зарыдала.

– А ты? Юля, ты меня осуждаешь?

– С ума сошла?! Почему я должна тебя осуждать?

– Ах, вот еще! – вспомнила Ирина. – Смотри! Нашла в сумке. – Она бросила на стол смятый конверт. – Загляни.

Внутри лежали купюры – пятьсот евро.

– Кумраев подсунул деньги?!

– Нет, в автобусе подложили! Какой-то сердобольный пенсионер! Увидел мои заплаканные глаза и сжалился... Конечно, Кумраев. Расплатился. Поздравь меня. Я проститутка. Пятьсот евро за ночь – это много или мало?

Ириша оглянулась, увидела на диване подушку, зарылась в нее лицом и зарыдала в голос.

– У-о-о! И-а-и-у! У-у-а-а! – раздавалось сквозь пуховый фильтр. Наверное, подруга проклинала весь белый свет.

Первый раз в жизни я держала в руках евро. Раньше, помню, часто приходилось иметь дело с долларами – очень востребованная была валюта. Потом все вокруг как-то незаметно переключились на рубли. Да, пятьсот евро. Симпатичная бумажечка. Если не знать ее этимологии. Буквально несколько часов назад ее держал в руках этот грязный проходимец.

Считать ли девушку изнасилованной, если она бурно приветствовала идею секса, однако осталась разочарованной качеством предоставленной сексуальной услуги? Вот вопрос!

Я тронула подругу за плечо.

– Ириша, послушай меня. Что будем делать?

Ириша оторвала от подушки красную физиономию.

– Я хотела попросить тебя прямо сейчас поехать к Кумраеву и швырнуть ему в морду конверт. И выйдет отлично, если вместе с конвертом ты швырнешь в него что-нибудь тяжелое.

– Например, кастрюлю с горячим супом?

– Или шар для боулинга, – кивнула Ириша.

– Могу, кроме всего прочего, прихватить с собой пулемет. Не возражаешь? Сделаю в Кумраеве десяток лишних отверстий.

– Юля, я ведь не шучу! Ты отвезешь ему конверт?

– Да, раз ты просишь. Отправляюсь немедленно.

Но сначала я позвонила боссу.

– Степан Данилыч, снимите, пожалуйста, из номера мою статью про «Таунхаус».

– А что случилось?

– Хочу еще немного поработать над материалом, – соврала я. Но хотела другого: сбросить на салоны «Таунхаус» и дом Кумраева ядерные бомбы. А самого капиталиста поджарить на решетке для барбекю со специями и красным вином.

– По мне, и так прелестно. Но ладно, работай, детка. Завтра сдашь.

– Через месяц.

– Юля, а что у нас с головой? Шипучий коктейль из маразма, деменции и болезни Альцгеймера. Какой месяц?! А чем я закрою дыру в четыре страницы? Ладно, ну тебя. От дел отрываешь.

– Так вы уберете статью?

– Ладно, уберу, – буркнул в трубку Степан Данилыч. – Как вы все мне надоели!

– Спасибо! – прокричала я.

Большой добрый мишка.

Я и не сомневалась: Степушка мне не откажет.

Не хочу своими незаурядными литературными способностями помогать увеличению продаж в салонах Кумраева. Чтоб он разорился, подлец!

– Тебе письмо, – указала Ирина на моргающую рожицу в уголке монитора.

Я открыла электронную почту. Автор письма присвоил себе ник Личный Враг. Мы с Иришей переглянулись.

– Наверное, не стоит читать, – трусливо сказала я. – Ничего хорошего там не будет. Зачем портить нервы?

И тут же щелкнула мышкой, открывая послание. Любопытство победило трусость.

– «Очень легко разрушить собственную жизнь. Но чужую – еще легче», – хором прочитали мы с Иришей.

– Ты разрушила чью-то жизнь? – поинтересовалась подруга.

– Я? Не припомню. Но наверное, речь идет не о чужой жизни, а о моей. Чужая – в смысле, моя.

– Как это твоя, если чужая?

– Короче, еще одна угроза, – вздохнула я. – Кто-то сильно меня возненавидел.

– А нельзя узнать, кто отправил письмо?

– Как?

– Ну, как-нибудь. Попроси Виктора. Он же хакер. Неужели не сумеет?

– Думаю, Личный Враг не отправлял бы мне письмо, если б не был уверен в полной анонимности.

Настроение испортилось окончательно.

Я заехала в офис Кумраева. Сексуальный гигант отсутствовал. Юная секретарша подняла на меня вопросительный взгляд.

– Хочу оставить Аслану документы. У вас нет большого конверта?

Девушка выделила мне плотный фиолетовый конверт, и в него я вложила другой – маленький, измятый, с начинкой из евро. Сверху размашисто подписала «Аслану Кумраеву» (очень хотелось добавить «скотине»). Еле удержалась).

– А от кого? – поинтересовалось прелестное существо. Неужели и эту воздушную нимфу Кумраев возит спиной по полу, щипает, выламывает ей руки, а потом выписывает премию в размере месячного оклада?

– Он знает. Передадите?

– Конечно.

В глубокой задумчивости я брела по улице. Меня задевали локтями и сумками, но я не реагировала. Думала о жизни.

После яркой вспышки в январе уже два с половиной месяца тянется черная полоса. Мне хватило бы и нравственных мучений, связанных с подлым поступком Никиты Мельника. Но вот, не успела я разобраться с депрессией, как подоспел новый враг – незнакомый и недоступный. И недостаточно смелый, чтобы в открытую предъявить мне претензии.

Травить угрозами, слать письма, изводить неясными намеками – из окопа, из надежного укрытия, в уверенности, что противник даже не знает, куда кидать в ответ гранату... Как это подло и мелко!

И я придумала ответный ход. Я просто буду игнорировать моего трусоватого, дрожащего как осиновый листик Личного Врага.

Не успела я гордо вздернуть подбородок, потрясенная простотой и смелостью принятого решения, как едва не наступила на подростка. Парень свалился мне под ноги, предварительно пролетев несколько метров. За ним следом тут же подскочили еще два оболтуса, с физиономиями, обезображенными радостным гневом, и принялись пинать жертву. Тот закрывал голову руками, измазанными в грязи.

– Эй, остановитесь, вы что?! – заорала я.

Они меня не слышали – их опьянила власть над поверженным противником.

– Ой, что творится! Изверги! – прошелестела где-то сбоку старушка и резвым мустангом ускакала прочь. Эти бабушки, когда захотят, развивают прямо-таки запредельную скорость. Прохожие благоразумно не реагировали на драку детей, они спешили мимо с озабоченными лицами.

Я вклинилась между палачами и жертвой.

– Отойдите, тетенька! – проорал пацан. Он тяжело дышал, его щеки горели, он рвался в бой.

А тут – преграда в виде дряхлого экспоната, возмущенно размахивающего у него перед носом сумкой.

– Я тебе покажу тетеньку! – возмутилась я. – Ты чего хамишь! Пошел вон, кретин!

– Вы чё! – оторопели мальчишки. Но избиение третьего прекратили.

– Ты кого тетенькой назвал?! – вопила я.

Да я практически еще девочка! По современным меркам.

Дети-терминаторы искренне не понимали, почему обиделась нервная дамочка.

– Ладно, пойдем, неохота связываться, – сказал один из них.

Я и не ожидала столь стремительной и легкой победы. Стараясь не испачкаться, помогла парню подняться. Он с ног до головы был живописно облеплен грязью вперемешку с кровью. Из разбитой губы текло, из носа – тоже.

– Ты в порядке? Домой доберешься? За что они тебя?

– За все хорошее, – басом отозвался подросток. – Закурить дадите, мамаша?

Час от часу не легче! Теперь – мамаша! Вот она, благодарность! Без моего вмешательства его наверняка размазали бы по асфальту, как крем по бисквиту. А он обзывается!

– Ты бы еще бабулей меня назвал, – сказала я, щелкая зажигалкой.

– Да нет, какая вы бабуля, – совершенно серьезно удивился мальчуган. – Вы молодая совсем, как моя мама.

«А ведь я действительно гожусь ему в мамаше!» – пронзила меня жуткая, невыносимая мысль. И именно в этот момент я четко осознала, как долго живу на земле...

Отвратительное открытие.

Стоило мне поравняться с блестящим «пежо», как малыш истошно засигналил. Неужели я ему что-то отдала?! Или ненароком забрызгала грязью, пру ведь напролом, не разбирая дороги. Потому что вся в себе. А лучше бы – в мехах и бриллиантах.

Окно автомобиля опустилось, и я увидела Милу. Она подавала мне знаки, как опытный семафорщик.

– Ты испачкалась. Привет.

– Где? А, точно. Ну надо же, плащ измазала. Спасала тут от гибели одного парнишку и вся обляпалась.

– Ты еще и парнишек от гибели спасаешь, – заметила Мила таким тоном, словно всегда восхищалась моей многоплановостью и вездесущностью. Она выбралась из «пежо» с коробкой салфеток и принялась меня чистить. – Ты – натуральная хрюша. Дался тебе этот парнишка. Повернись. Вот, уже нормально.

– Спасибо, дорогая!

Я едва не рыдала от благодарности. Доброта Милы сравнима с безбрежным океаном. Вы только посмотрите: изящная девица, одетая в роскошную меховую куртку, чистит, как лошадку в стойле, экс-одноклассницу. Последняя, заметьте, облачена почти в лохмотья (иначе и не скажешь о плаще, прослужившем хозяйке целых три года!).

– У меня обед двадцать две минуты.

– Почему не тридцать?

– Восемь я истратила на тебя. Составишь компанию? Тут рядом «Пицца-рум».

Боюсь, в летописи наших с Милой встреч будут фигурировать сплошь гастрономические заведения. «Пицца-рум» – уже третье.

В пиццерии сияло солнце, проникающее сквозь огромные окна, и витали восхитительные ароматы.

Заказ мы прождали недолго – всего пять минут.

– Значит, пиццу они не готовили. А просто подогрели в микроволновке, – желчно заметила Мила.

– Если бы они прямо сейчас начали выращивать помидоры и откармливать поросенка, ты и вовсе осталась бы без обеда.

Но пицца отнюдь не выглядела вчерашней. Она лежала на плоском деревянном круге – сочная, аппетитная, с пылу с жару. Розовые полоски ветчины и нарезанные грибы проглядывали сквозь золотистую пленку расплавленного сыра.

– Как вкусно! – прошамкала Мила. – Нет, не из микроволновки, я ошиблась!

Из ее рта к куску пиццы тянулись нити горячего сыра. Мила пыталась сохранить элегантность, но это удавалось ей с трудом. Пицца и спагетти предназначены для трапез с любимыми – теми, кто не осудит за ломтик помидора, прилипший к подбородку, и за макаронину, всасываемую со звуком работающего реактивного двигателя.

А Юля Бронникова – натура увлекающаяся – через минуту вся покрылась кусочками ветчины и оливками.

– У тебя неприятности? – с подозрением спросила Мила.

– С чего ты решила?

– Ты топала по улице с таким видом... Словно шла на эшафот и тебя подгоняли в спину прикладами.

– Неужели?!

Выходит, я ошибочно считала себя человеком, полностью владеющим собой. Лицо мне неподконтрольно – стоит отвлечься на минуту, оно сразу же принимается корчить рожи. В то время как я всегда пытаюсь навязать физиономии выражение стабильной удовлетворенности. Мол, все о'кей, ребята! Полный порядок!

Но у меня далеко не полный порядок!

У меня все ужасно плохо!

Отодвинув в сторону пиццу, я вдруг сбивчиво и взволнованно выложила Миле подробности последних дней. Нарушила Золотое Правило Приятного Человека: не грузить собеседника личными проблемами. Приступ откровенности застиг меня врасплох, я лепетала, жаловалась, стонала, не в силах остановиться. Но почему? Наверное, Мила выглядела столь успешной во всеоружии своего нынешнего положения. А я была растеряна и беспомощна.

Еще семь минут Милиного обеда растворились в прошлом. Мила внимательно выслушала мою исповедь.

- Ты расшифровала надпись на стене?
- Нет!
- Почему?
- Как почему?! А если я не сильна в криптографии? Да я элементарно не представляю, что она обозначает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.